

РУСЛАН ТЕМН

ПУРПУРНЫЙ РАССВЕТ АПОГЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Темир

Пурпурный Рассвет. Апогей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69962206

SelfPub; 2023

Аннотация

Прошло три месяца с “Пурпурного рассвета”, а остатки человечества столкнулись с угрозой, более страшной, чем гибель от эпидемии. Горстка выживших пытается противопоставить хоть что-то машине порабощения, но почти все их попытки приводят к провалу. На месте каждой отрубленной головы Гидры, вырастают новые.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	35
Глава 3	62
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Руслан Темир

Пурпурный Рассвет. Апогей

Пролог

Поселок Текос

База “Исток”

23 сентября

3.37 по московскому времени

В кабинете непривычно тихо и пусто. Свет выключен, только жидкие лучи уличных фонарей, пробивающиеся через окна. С улицы доносятся звуки проезжающих мимо патрульных на квадроциклах, слышны шаги бегающих в суматохе по этажам людей, а он сидит здесь один. Князев достал из кармана смартфон и посмотрел на маленькую красную точку на карте. Женя в комнате. Неизвестно, спит она или нет, хотя как тут уснешь при таком хаосе. Татьяна Валерьевна и Вера рядом с ней, если даже она боится, то она не одна. Вера последние дни от нее не отходит. Девочки сдружились и ведут себя как сестры, несмотря на то, что первое время в “Истоске” девочка проводила намного больше времени с другими детьми, почти пропав из виду. Но либо пережитое вместе, либо просто дружба сблизила детей. Больше всего хотелось

плюнуть на все, сложить с себя все полномочия и обязанности и уйти к ним. Как только представлял Женино заплаканное лицо сразу в груди начинало колоть и весь мир переставал казаться важным. Все эти Нуклии, Проталии и иже с ними отходили на последний план. Вся вселенная концентрировалась на одной маленькой девочке. Никогда не думал, что способен на такие чувства и такую привязанность. И только Женя мотивировала не послать все куда подальше, а дальше тащить на себе бремя руководителя.

Посмотрел на часы. Скоро начнет светать, но сна ни в одном глазу. Мозг перегружен необходимостью принятия решений, а сил действовать уже попросту нет. Почти две тысячи человек прямо сейчас везут в заброшенный “Восход”. Что с ними делать дальше? Как убедить такое количество людей с грамотно промытыми мозгами, что мы не причастны к эпидемии и невольно стали лишь пешками в игре Нуклия. Все наши попытки открыть им глаза будут разбиваться об стену зашоренных убеждений. В случае, если нам не склонить их на свою сторону, то что с ними делать? Ведь если мы их просто отпустим, они тут же встанут в строй очередной атаки на нашу базу.

Еще эти проблемы с Лесным. Он, без вопросов, гениальный изобретатель, но эта его манера воспринимать реальность как машина дико бесит. “Рациональность”. В его понимании все должно поддаваться логике, быть взвешенно, риски исключены. Отринуть все человеческое. Какое общество

он хочет построить таким образом? Да если дать ему власть, то мы все будем шагать строем в черной форме с крестами и приветственно вскидывать правую руку от груди. Сам же выбрал нас, для взаимодействия с людьми, и сам нас в этом ограничивает.

“Отец, если бы ты только выжил. Я бы приполз к тебе на коленях, вымаливать о прощении. Каялся, какой я тупой придурок, целуя твои руки. Как мне не хватает твоей мудрости. Ты с нуля построил огромный бизнес, больше сорока тысяч человек в подчинении, заводы, международные филиалы, госконтракты, закупки, договора с поставщиками и покупателями. Как ты с этим справлялся? Как ты управлял этой махиной, да так, что она работала, и приносила колоссальный доход. Да ладно доход, я лично видел твоих работников, они были счастливы. Они бежали из дома на работу, как на праздник, потому что работа и была для них домом. А я, из-за своего эгоизма и детских обид, ничего этого даже не замечал, не ценил и мог вообразить, какую ношу ты на себе тащишь и почему ты приходишь домой выжатый как лимон. Мне очень нужен сейчас твой совет, хотя бы несколько слов. Но тебя нет, как и нет мамы. Я даже не успел попрощаться и похоронить вас. Вашим последним пристанищем стали больничные койки, пока я отходил от загула.”

Князев прислонился лбом к стеклу. Глаза намокли, в носу защипало. Ну вот, еще не хватало расплакаться. Руководитель “Истока” стоит и ревет в кабинете совещания, спря-

тавшись от всех. Задержав на секунду дыхание, вытер лицо и направился к двери.

Глава 1

Поселок Текос

База “Исток”.

23 сентября

3.52 по Московскому времени

Стив вошел в комнату, заставленную столами с коммуникационным оборудованием. В креслах сидят операторы со шлемами FPV, удаленно пилотируя вертолеты. Несколько человек в стороне, возле кулера с водой и полками с лёгким перекусом, что-то обсуждают.

– Как вы, ребят? – Прайс подошел к группе разговаривающих.

– Руки до сих пор трясутся. – Ответила девушка с коротко стриженными черными волосами и татуировкой на шее. – Когда в мою вертушку ракета прилетела, было чувство, что я сейчас реально взорвусь. Чуть с кресла не грохнулась.

– А мне понравилось, словно в игру играешь, только графика фотореалистичная. – Подхватил совсем юный парнишка, больше похожий на школьного ботаника.

– Игрушка? А ты понимаешь, что мы по живым людям стреляли? – Стоящий рядом мужчина с сединой на висках, пожевал губами и посмотрел по сторонам, словно собирался сплюнуть. – Игрушка, мать вашу.

Все разом притихли и опустили глаза в пол.

– Вы молодцы. Большие молодцы. Спасли сегодня очень много жизней. Я очень переживал, как вы справитесь. Всего несколько недель тренировок и вот так сразу в самую гущу событий. Но вы справились. – Постарался приободрить Прайс. Повернувшись к продолжающим управлять вертолетами, Стив повысил голос. – Так, народ. Чьи вертолеты уже на базе, можете идти отдыхать, до обеда вас никто трогать не будет. Команда, кто летит из Москвы, если сильно устали или кружится голова, обратитесь к освободившимся, вас заменят. Когда будете меняться, не забудьте переключиться в режим автопилота.

Народ зашумел. Стив вышел из кабинета и столкнулся в коридоре с Князевым. Саша, стремительно шагая по коридору, чуть не сбил с ног зазевавшегося Прайса.

– Ты куда так несешься? – Стив в последний момент отшатнулся к стене.

– Тебя ищу. – Ответил Князев, еле успев остановиться, чтобы не пролететь мимо.

– А бежишь, словно на пожар. Что-то случилось?

– Да у нас так-то очень до фига что случилось. Тебе все пересказать или помнишь?

– Ты не с той ноги встал?

– Я и не ложился. Ладно. Может в штаб пойдем? Не кайф в коридоре болтать. – Саша указал в сторону кабинета, служившего мозгом всей базы.

– Давай. – Прайс кивнул. – И это, давно хотел тебе сказать, нам теперь за речью следить надо. Все эти “дофига”, “кайф” и прочие речевые обороты, особенно нецензурная речь, необходимо их исключать.

– Ты слишком много общаешься с Киrom. Скоро будешь разговаривать как он. “Александр такое поведение непозволительно”. – Князев изобразил манеру речи Лесного, но вышло слишком наигранно.

– Это не из-за Кира. Люди смотрят на нас, берут с нас пример и наша манера речи станет приемлемой в “Истоке”. А если мы будем разговаривать как эти, ну как их...

– Гопники?

– Да, точно, гопники, никак не запомню это слово. Ну или как малолетки на форумах, то культура речи будет деградировать. Следить то за этим некому. Так что будем начинать сами с себя. Вот при Жене ты же так не разговариваешь.

– Ладно, граммар наци, заканчивай душнить, постараюсь выражать свои мысли наиболее подходящими оборотами. Такие выражения более приемлемы?

Стив не ответил, лишь вздохнул, посмотрев на Князева.

В штабе шумно от десятков работающих компьютеров, радиостанции и других устройств, о предназначении которых Саша мог только догадываться. Прайс быстро прошелся по основным, проверил обстановку и подошел к кофемашине. Воздух наполнился приятным запахом терпкого напитка.

– Ты будешь? – Спросил Стив, доставая из холодильника

упаковку сливок.

– Да, только без сахара. – Князев сел в кресло напротив монитора с видеопанорамой пляжа Архипо-Осиповки, поступающей от патрулирующих дронов. – Тишина?

– Да, уже сбился, сколько раз там коптеры прогнал. Смотрел во всех диапазонах, и в инфракрасном, и в ночном и просто пытался высмотреть хоть какое-то движение. Никого. Если только кто-то умудрился спрятаться в здании, но Борис с ребятами вроде все прочесали.

– Даже если кто и укрылся, далеко не уйдут.

– Это точно. На держи. – Стив протянул кружку, исходящую паром. – Я теперь по всему побережью от Туапсе и до Керчи постоянно дроны гонять буду. Не очень хочется прозевать еще одну такую высадку в Нормандии.

– А у тебя “птичек” хватит?

– Постоянно пополняем парк. Лесной недавно привез две новые модели. Не просто переделанные старые, а абсолютно новую разработку. Более мощные двигатели, усовершенствованные камеры, увеличенная автономность. Они сами могут заменять свои батареи, при низком заряде. Такой коптер может летать неделю без перерыва, а с доступом к базовой станции с заменой аккумулятора вообще почти бесконечно. – Стив сел в кресло рядом, достал из ящика стола батончик шоколада и принялся за кофе.

– У Лесного там что, завод Foxconn в подвале? – Саша сделал несколько больших глотков не обращая внимание, на

то что напиток горячий. – Ты бы на сладкое меньше налегал, а то уже килограмм пять набрал. Скоро превратишься в клишированного компьютерного задрота.

– Ты же сам видел у Лесного производственные роботизированные цеха. А основные комплектующие мы ему поставляем. Техники сейчас везде навалом. Да он и до “Пурпурного” по любому подготовился, запасася необходимым. – Прайс посмотрел на свой живот и пощупал складки. – Не сильно я и поправился. Сегодня, точнее уже вчера, весь день не ел. Хотя ты прав, надо бы в тренажерный зал ходить начать. Как вспомню наш побег из “Рассвета”, представлю, что было бы, будь я жирным.

– Застрелили бы тебя, чего гадать. Что-то мы от темы ушли. Ты по поводу Лесного что думаешь? Он на связь так и не выходил?

– Нет. Как ты с ним поругался больше не объявлялся. Хотя я вызывал его несколько раз.

– Сидит, наверное, у себя там и дуется.

– Он ничего не чувствует, не забыл? Ему на эти ссоры плевать, как слону ну муху. К тому же он знает вообще все, что происходит. Все наши переговоры и видео с дронов идут через его сервера. Он всегда держит руку на пульсе и появляется только в момент острой необходимости.

– Прямо боженька, скоро молиться ему начнут. Как объявится, дай мне знать ладно?

– Хорошо. Кстати, ты куда пропал пол часа назад? Я про-

шелся по этажу и тебя не видел.

– В туалете сидел. – Соврал Князев. – От нервов живот прихватило. Как там Марк с Тимуром?

– Летят. Марк держится, Вадимовский медик его осмотрел, сказал, что органы зацепили, купировал кровотечение. Сам Воеводов в очень тяжелом состоянии. Шанс выжить – процентов десять. Не известно, вообще, дотянет он до прилета или нет.

– А я говорил Лесному, что нам надо поддержать Вадима. Были бы с ним наши вертолеты с самого начала, все по-другому сложилось бы...

– Ничего бы не было по-другому. – Перебил Прайс. – Воеводов попал в ловушку. Нуклиевцы все грамотно подстроили. И будь с ним наши вертушки изначально, их бы перещелкали в первую очередь. Потом не чем было бы вытаскивать их оттуда. Сейчас нам помог эффект внезапности и кто-то из людей Вадима, он уничтожил системы ПВО анклавовцев, причем последнюю подорвал своим подбитым вертолетом.

– Ого, я не знал. А кто это был?

– Я не знаю. Потом спросим у эвакуированных. Но, как видишь, Кир опять оказался прав. Он же просчитывает все на несколько ходов вперед, и сто процентов предвидел такой вариант развития событий. – Стив бросил короткий взгляд на экраны.

– Если предвидел, то почему не предупредил, что это западня? Или пути Господни неисповедимы?

Стив промолчал, лишь пожав плечами, и продолжил жевать батончик.

6.32 по московскому времени

Солнце уже выползло из-за горизонта. Начало припекать. Под конец сентября вернулся летний зной, ощущаемый с самого утра. Ни дуновения ветра. Вика натянула кепку ниже, пряча от назойливого светила невыспавшееся и опухшее лицо. Удалось выкроить всего час полежать, спалось беспокойно и тревожно, можно сказать, вообще не спалось. Подойдя к медблоку, она на мгновение замерла, взявшись за ручку, словно готовилась нырнуть в воду. Открыв дверь, погрузилась в густой и стойкий запах медикаментов. Повернула по коридору и наткнулась на Ивана Семеновича, сама не знала почему, но называла второго врача только по имени отчеству, несмотря на то, что он был младше Людмилы.

– Привет. Ты как? Хоть немного поспала? – Иван потер красные, воспалённые глаза и зевнул.

– Да больше просто лежала. А Мила где?

– В кабинете, спит. Отправил ее, хоть она и сопротивлялась. В квартиру идти отказалась, мол надо подготовиться к приему раненых. – Иван осмотрелся и сел на стоящий в коридоре стул. – У меня до сих пор после полета земля под ногами ходуном ходит. Первый раз в жизни летал на вертолете.

– Сегодня ночью многие впервые полетали. Я тоже. – Вика

прислонилась спиной к стене, поправив на боку своего верного спутника – пистолет-пулемет. – Вы вывезете? Всю ночь этим, анклавовским, помощь оказывали, сейчас еще Воеводских привезут.

– У нас выбора нет. Врачей не так много, а оперировать только я и Мила можем. Пока она спала, я операционные подготовил. Самых тяжелых в первую очередь на стол. Остальными медсестры займутся.

– Да, я их уже разбудила, скоро будут здесь.

– Сколько сейчас времени? – Иван похлопал по карманам и понял, что забыл телефон в кабинете.

– Половина седьмого, где-то через полчаса прилетят уже.

– Ясно, тогда надо Людмилу будить.

– Хорошо. Пойду к ней. Вам может кофе сделать?

– Давай. Только покрепче. – Иван чуть улыбнулся и направился в сторону операционной.

В кабинете темно и тихо. Возле стены, на составленных в ряд стульях, спит Мила, подложив под голову свернутую рулоном куртку. Вика подошла к подруге, положила руку ей на плечо. Будить не хотелось. Спала так сладко, что прервать сон показалось кошунством.

– Мила, пора вставать. – Бережено погладила по руке.

Людмила открыла глаза, несколько раз моргнула, прогоняя сон и сразу же села.

– Привет. Что уже подлетают?

– Да, через полчаса будут здесь.

– Хорошо. Как там Марк и Воеводов? – Мила поправила растрепавшиеся волосы.

– Марк держится, весь полет пробыл в сознании, даже не спал. Вадим очень плохо. На грани смерти, удивляюсь как он вообще дотянул. – Вика по-хозяйски поставила чайник и зазвенела кружками. – Тебе как всегда с молоком? Может поесть хочешь? Кухня уже работает, попрошу принести тебе завтрак.

– Нет, просто кофе попью. Тяжело оперировать на полный желудок. – Людмила вздохнула. – Хорошо хоть еще один врач летит. Вдвоем мы бы не справились. Сорок один человек... Как подумаю, аж плохо становится.

– Уже тридцать семь. Четверо скончались в полете. – Понизив голос, сказала Вика.

– Когда это прекратиться? Когда мы перестанем хоронить убитых? – Мила потерла лицо руками. – Блин, людей и так осталось – жалкая горстка, так мы еще и стремимся перебить друг друга. Сколько вчера погибло? Около тысячи человек?

– Наверное. У Воеводова было почти двести, и со стороны Нуклия погибших не меньше семи-восьми сотен. – Ответила Вика, заливая кипятком в кружки.

– Тысяча убитых. И это только вчера. А за три месяца после эпидемии? “Рассвет” “Заря”, погибшие при восстании в “Полночи”, Лера, уверена, что и Костю с Дашей не оставили в живых. И это только те, о ком мы знаем.

– Погибшие на трассе, при штурме колонны. – Напомнила

Вика.

– Точно. Уже выходит под две тысячи, а это одна седьмая часть от всех выживших в России. Таким темпом через год мы просто друг друга уничтожим под ноль. Что с людьми не так? Почему в нас столько жестокости и ненависти к себе подобным? Даже в то время, когда надо объединиться для выживания, когда больше не стоит вопрос в материальных благах, мы продолжаем убивать и бороться за власть. – Мила взяла кружку из рук Вики и сделала несколько глотков. – Ладно, что-то меня понесло.

– Ты не одна об этом думаешь. Я постоянно задаюсь тем же вопросом, и понимаю, что ответа на него мы никогда не узнаем.

7.17 по Московскому времени

Всю территорию “Истока” наполнил шум рассекающих воздух лопастей. Боевые зависли над летным полем, позволяя приземлиться транспортным, которых на земле уже встречали люди. Двери открылись еще до того, как колеса коснулись поверхности. Из вертолетов выпрыгнули люди в форме, и тут же начали передавать носилки с ранеными встречающим, которые сразу грузили в транспорт. Вереница машина потянулась к медблоку.

Юлаев помог выгрузить Марка, Воеводова вытащили его бойцы. Передав Сахарова в руки Милы, Тимур вышел из здания госпиталя и сел на землю, стянув с себя бронежилет.

Солнце, пробиваясь редкими лучами через кроны грабов, согревало замерзшее после перелета тело. Накатила страшная усталость, придавив и лишив любого желания двигаться. Захотелось лечь прямо здесь, на траве, и уснуть.

– О, вот ты где, а я вас ищу. – Услышал голос подошедшего Джавида. – Ты что здесь расселся?

– Устал. – Сухо ответил Юлаев.

– Марк уже в операционной?

– Да, Людмила колдует над ним.

– Сильно его? – По голосу понятно, что Джавид сильно переживает.

– В живот ранили. Вроде держится, но только врачи скажут, что там конкретно. – Тимур откинулся назад, подложив руки под голову.

– А Воеводов?

– Я думал он не доживет. Два раза сердце останавливалось. Вдвоем его реанимировали, я непрямой массаж сердца делал. Каждый раз думал что все, но он снова начинал дышать.

– Как думаешь, выкарабкается?

– Не знаю, честно. Ему знатно досталось. Если бы не боец, который его собой закрыл, то некого было бы спасать.

– Обалдеть? Собой закрыл? Вот это жертвенность. А кто это был?

– Не знаю, вроде Максим какой-то, Вадим его так называл, когда я его вытаскивал. Как здесь дела обстоят?

– Борис с людьми доехали до “Восхода”. Вика с отрядом прочесала всю базу, пока Мила с медсестрами оказывала медпомощь нуждающимся. Ни одной мины или растяжки не нашли. Запустили генераторы, включили воду, распределили людей по комнатам. Стив уже переключил видеонаблюдение общины на наши серверы.

– А как мы охранять то их будем?

– Мы для этого тебя ждали. Пока там почти пятьдесят наших мужчин, но они нужны здесь в “Истоке”. Без них почти все встало, и стройка, и обустройство базы. Почти все твои люди из обороны там. Надо думать, что делать. Это сейчас пленники под действием химоружия, но как придут в себя, тогда начнется веселуха.

– Ох, час от часу не легче. Ладно пойду приму душ, а то такое чувство, что по уши в крови вымазался.

– Хорошо, я тогда в медблок. Буду караулить, когда Марка закончат.

7.22 по Московскому времени.

– Как спалось? – Спросил Князев, не отворачиваясь от стола и чем-то увлеченно занятый.

– Шумно было, долго не засыпалось. – Ответила Женя, выходя из ванной.

– Ты какао любишь?

– Какао? Да, люблю. – Девочка оживилась и подошла по-

смотреть.

– Тогда садись. Я не знаю, правильно ли я сделал, но вроде соблюдал инструкцию на упаковке и вот еще. – Саша открыл полку и достал небольшую пачку печенья Орео. – В прикуску к какао.

Девочка радостно схватила сладость, открыла и тут же протянула первое печенье Князеву.

– Угощайся.

– Спасибо. – Саша сел на стул рядом и улыбнулся. – Какая ты заботливая.

В груди разлилось тепло. Вроде такая мелочь, обычная печенюшка, но то, что Женя в первую очередь подумала о нем, заставляли его улыбаться и хоть на короткие мгновения чувствовать, что есть в этом мире хоть что-то, ради чего стоит жить. Зазвонил телефон.

– Привет Саш, это Стив. Ты как?

– Вот ты всегда в самые неподходящие моменты звонишь. – Раздраженно ответил Князев.

– Ты что, на унитазе опять?

– Нет. Чего хотел?

– Борис звонил. Нам с тобой надо лететь в “Восход”. Много организационных вопросов, которые удаленно не решишь. Когда сможешь?

– А это обязательно?

– Да. Там без тебя и меня не разберутся. Еще бы Тимура с собой взять, но он после ночной операции, пусть отдохнет,

вечером его отправим.

– Ладно. Тогда собираюсь. Только Женьку отведу на занятия. – Князев выключил телефон и положил его на стол.

– Ты куда-то улетаешь? – Спросила в миг погрузневшая девочка.

– Да, надо отлучиться ненадолго, но я быстро вернусь. Вертолеты видела же? – Женя кивнула. – Ну вот, я на таком же. Туда и обратно. Ты даже не заметишь. Вечером уже заберу тебя.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Князеву захотелось погладить девочку по волосам, но он сдержал порыв чувств.

– А давай вечером гулять пойдем?

– Хорошо, обязательно погуляем.

– Здорово! Еще Вику с нами позовем!

8.36 по московскому времени

Майкопский район

Князев щурился от яркого солнца, бьющего в лицо через боковые стекла вертолета и жалел о том, что не взял солнцезащитные очки. Кожа головы под вертолетным шлемом с непривычки чесалась, головные уборы он почти никогда не носил. Наушники хоть и приглушали постоянный гул лопастей, но в ушах все равно звенело.

– Как тебе полет? – Прозвучал искаженный динамиками

наушников голос Прайса.

– Шумно, качивает и кресла неудобные. – Саша повернулся и посмотрел на сидящего рядом американца. – И то, что вертолет летит сам по себе – дико нервирует.

– Ничего, сейчас Кир работает над проектом конвертопланов. Это как вертолет, скрещенный с самолетом, у него при взлете и посадке винты вертикальные, а при перелете меняют положение на горизонтальное положение. Раньше их массово не производили из-за проблем конструкции: трансмиссии, устройство поворота массивных двигателей, большая масса. А сейчас батареи Лесного и новый тип электродвигателей сводят эти факторы на нет. Все наши вертолеты были спроектированы под двигатель внутреннего сгорания, и некоторые болячки у них остались. А это будет транспорт абсолютно нового поколения. Буквально через пару недель уже поступит первый прототип на испытание. Да, кстати, на них будет установлен комбинированный тип управления: либо оператор, либо пилот, и огромную помощь будет оказывать система автопилота на базе искусственного интеллекта. Управлять таким будет не сложнее, чем новым авто с автоматической коробкой передач.

– Не по себе мне как-то от таких темпов развития прогресса. – Князев передернул плечами. – Раньше хоть было время на осознание и принятие новшеств. Тот же интернет, появился в конце девяностых, а массовым стал ближе к десятым. Телефоны, сначала кнопочные кирпичи, и только спу-

стя двадцать лет добрались до смартфонов. А тут только пережили апокалипсис, как переседем на летающие машины. Вот ответь мне на один вопрос, почему Кир настолько опережает прогресс? Он что, умнее чем все эти ученые вместе взятые?

– Я тоже думал об этом, даже пытался поговорить, но он игнорирует все вопросы, касающиеся прошлого. Я очень много провел времени в его резиденции, и нашел много фактов, свидетельствующих о его причастности ко множеству знаковых изобретений. Лесной продавал те или иные патенты, когда считал, что человечество к ним готово. Бум развития электромобилей, те же смартфоны, о которых ты говорил, 3Д принтеры, дроны, и это только то, что я успел заметить. Недавно он показывал мне линию по производству процессоров. И она повергла меня в шок, он производит процессоры по техпроцессу менее одного нанометра с каналами атомарной толщины. Я понимаю, что для тебя все эти слова как заклинания на неизвестном языке, но, для сравнения, до “Пурпурного” весь мир использовал техпроцесс семь нанометров. Производимые Лесным процессоры опережают общечеловеческий прогресс более чем на десять лет, они намного быстрее, энергоэффективнее и с меньшим выделением тепла. Я ломал голову, что за суперкомпьютер у него стоит, на котором работают его нейронные сети, но узнав про процессоры, все вопросы отпали. – Стив, заговорив о своих любимых технологиях, потерял контроль над эмоциями

и начал активно жестикулировать. Акцент, почти исчезнувший за последнее время, вернулся. – Так Лесной еще очень многое не показывает. Он как родитель, который дает тебе по одной шоколадке, когда в шкафу лежит коробка конфет. Я не могу вообразить, что у него еще припрятано в чулане.

– Вот и правильно делает, что прячет. Нельзя на неподготовленных людей вываливать все сразу. Вот ты очень хороший пример: как заговоришь об этих изобретениях, как одержимый становишься. – Прайс, услышав слова Князева, резко осадился. Саша увидев это, решил сменить тему. – Это что за база перед нами? Уже долетели?

– Да, судя по GPS, это “Восход”. – Ответил Стив, пытаясь скрыть обиду.

– Ну наконец-то, я уже просто мечтаю выбраться из этой жестианки.

* * *

Борис встретил прилетевших на площадке возле КПП. Для посадки вертолета освободили место, отогнав автобусы и грузовики к гаражам.

– Привет, хлопцы. Ну что, как долетели?

Князев не ответил, лишь тихо пробурчал себе что-то под нос.

– Нормально, намного комфортнее, чем на машине. По дороге тряслись бы часа три. Как у вас здесь? – Стив осмотрел бывшую общину “Восход”. Дежавю. Слишком уж все

походило на “Рассвет”. Одинаковые типовые здания государственных объектов: оштукатуренные, невзрачные стены, плоские крыши, окна на первых этаж с решетками, несмотря на высокий забор и кпп, сторожевые вышки по периметру.

– Пока тихо. Распределили людей по комнатам. Пришлось потеснить, конечно. Раньше по двое жили, при нуклиевцах. Сейчас по четверо – пятеро пришлось. Они пока не дееспособные. Многие как в кому впали. Постоянно ходим проверяем состояние людей, как можем. Пытались кормить и поить, но никак, либо без сознания, либо просто не в себе. – Борис вздохнул. – Вот только кохда они придут в себя, мы точно не справимся. Нуклиевцы на совесть строили, с базы не сбежишь, но вот периметр охранять и уследить за всеми мы точно не сможем. Да и пока мы все здесь, “Исток” полностью парализован. А кто ехо подхотовит, если пленники сохласятся к нам примкнуть?

– Сколько у вас здесь человек? – Спросил Князев, нахмурив брови.

– Больше сорока, почти всех крепких мужиков собрали.

– Хм... Ясно. Ну пока выхода нет. Остановим стройку, рейды тоже свернем. Сейчас первоочередная задача – убедить этих бедолаг, что они не за ту сторону воевать пошли. Кто согласится, сразу в “Исток”, будем как при коммунизме: строить общее будущее и выполнять план пятилетки за год. Базу придется знатно расширить. Хорошо, что делали запасы продуктов и мощность нашего пищевого производства смо-

жет обеспечить такое количество людей едой. Вот персонал кухни точно надо увеличивать. А с безопасностью... – Князев почесал затылок. – Блин, жалко Тимура нет. Ладно. Вы пока остаетесь здесь. У нас там человек пятнадцать из веводских, думаю им можно доверять. Попросим у них помощи, чтобы хоть кем-то подменять вас здесь.

– Хорошая идея, Юлаев одобрит. Я сейчас займусь перенастройкой системы видеонаблюдения. Поставлю больше камер, датчиков движения. Установлю несколько базовых станций для дронов. Отправьте ко мне человека четыре, введу их в курс дела, как что работает и обучу работать на центральном пульте. Блин. – Стив схватился за голову. – Эта нам же еще всех надо через базы данных прогнать. У нас тогда на сто пятьдесят ушло полдня, здесь за несколько дней не уложимся.

– Точно, я и забыл совсем. Борис, проведешь меня? Хочу посмотреть, что осталось от базы и, вообще, кого мы к себе собираемся брать, может там одни отморозки.

– Да, конечно, Александр, пойдем. – Борис указал на возвышающийся над остальными административный корпус. – Кстати, я тут сюрприз один обнаружил. Среди плененного руководства штурма, есть нуклиевцы из верхов. Одного из них я хорошо помню. Мелкий такой, лысый, с бородой. Ехо Воеводов увез из “Зари”, перед тем как разбомбить. Слышал, что он бывший начальник “Рассвета”, знаком с ним?

– Этого гада я долго не забуду. Если его Вадим захватил,

то как он здесь вообще очутился? – Спросил Князев.

– Сам у нехо спросишь, как очухается. Можешь сам посмотреть, точно он, или ошибся я.

– Обязательно зайдем. Вы где их держите?

– В карцере, хде же еще. Там есть несколько человек, которых из моря выловили, не успели “Бизэткой” надышаться. Поэтому за решетку посадили, под охрану. Ну и их мы точно на свою сторону склонять не будем, зато мохут знать мнохо полезно.

– Хорошо, разберемся с ними по ходу пьесы. Пойдем, прогуляемся по нашему “санаторию”.

Ближайшее два часа Князев занимался обходом этажей и осмотром пленных. Зрелище не для слабонервных. Большая часть людей походила на мертвых: бледные, застыли в неудобных позах. Если бы не знал, что они в состоянии комы, то точно за трупы принял бы. Остальные вели себя, точно пациенты психиатрической лечебницы: лежали и бормотали невнятные слова, сидели на кроватях и озирались по сторонам с перепуганными лицами, молча смотрели в одну точку. Стив окопался на первом этаже, в бывшей комнате связи и обложился паутиной проводов. С ним четыре человека постигали новую для себя сферу знаний.

– Александр! Там на КПП люди приехали, говорят, что хотят с вами встретиться. – Отрапортовал крепкий боец в форме, застав врасплох Князева, еще не успевшего отойти от увиденных пленны в очередной комнате.

– Люди? Вы не известно кого подпустили к базе?

– Обижаете. Они с военной базы под Майкопом, люди Воеводова.

– Ну так бы сразу и сказал, а то “люди приехали”.

Связавшись со Стивом, Саша попросил его тоже подойти к въезду на базу. На всякий случай взял с собой двоих из службы безопасности и проверил пистолет в поясной кобуре.

Сразу за воротами, между стальных “ежей” и бетонных блоков, стоит военный броневик “Тайфун-ВДВ” с тридцатимиллиметровой пушкой. Возле проходной два человека из “Истока” разговаривают с мужчиной средних лет, внешность которого сразу выдавала коренного жителя Кавказа.

– Здравствуйте. Вы хотели меня видеть? – Князев подошел и протянул руку.

– Привет. Меня зовут Серго Абухба. Работал с Воеводовым, на время операции остался старшим на базе под Майкопом. – Рукопожатие у абхаза оказалось очень крепким, как в тиски руку засунул. – До этого был в общине “Полночь”, в Сочи.

– Я Александр Князев...

– Да, знаю. Вадим много про вас рассказывал. Кстати, как он?

– На операции. Наши врачи борются за его жизнь. Пока говорить о его состоянии рано.

– Понял. – Серго посмотрел в сторону и тяжело выдохнул. – Сколько наших вообще уцелело?

– До “Истока” добрались тридцать семь человек. Но это еще не точно. Многие сильно ранены. – Видя с какой болью воспринимаются его слова, Князев старался говорить, как можно мягче, непривычным для себя тоном.

– Вам может помощь какая нужна? Ну медикаменты там, оружие, продукты? – Решил сменить тяжелую для себя тему Серго.

– С этим проблем нет, а вот с людьми – тяжело. – Князев повернулся и посмотрел на здания общины за спиной. – У нас здесь почти две тысячи пленных. А бойцов очень мало, чтобы охранять и поддерживать порядок.

– У меня есть предложение. – Серго подошел чуть ближе, несмотря на оружие стоящих рядом людей. – Пока наши ребята у вас, лечатся и восстанавливаются, пока не известно, что там с Вадимом, я могу предоставить вам все наши оставшиеся силы в полное распоряжение. На базе осталось тридцать два обученных и тренированных человека. Смысла держать их там нет, безопасность объекта могут спокойно обеспечивать пятеро. А остальных я могу отправить к вам сюда. Объединим наши силы, все-таки цель у нас общая.

– А когда Воеводов... – Князев осекся. – Точнее, если Воеводов придет в себя, он не будет против?

– А с чего ему быть против? Он сам просил, чтобы мы вас прикрывали. Сейчас вам нужна помощь, а люди сидят без дела.

– Стив, ты что думаешь? – Саша повернулся к другу.

– Я полностью “за”. Думаю, даже с Лесным советоваться не надо. – Стив не скрывал облегчения от подвернувшейся возможности решить проблему.

– Это еще кто-то из вашего руководства? Воевод про него не говорил. – Спросил Серго.

– Да, из руководства. – Отмахнулся Князев, не желая вдаваться в объяснения, кто такой Кир.

– Хорошо. Сейчас свяжусь со своими, отдам приказ, чтобы собирались и выдвигались сюда. Ехать часа полтора от силы. Что им с собой взять?

– Пожалуй, только оружие, всего остального в достатке. Ну и если что-то типа такого еще есть. – Стив показал на стоящий рядом броневик. – То тоже не помешает.

– Хорошо, технику тоже пригоним. И оружия привезем с запасом, чтобы и вашим ребятам хватило.

– У меня вопрос есть. – Князев сощурился. – Вы были в “Полуночи”, то есть давно с Воевовым. Если он оставил вас за старшего на базе, значит вы далеко не последний человек в его окружении. Это я к чему, среди пленных есть группа бывших нуклиевских силовиков. Некоторых мы знаем, некоторых нет. Мы можем их прогнать по своим базам, но искать придется либо по отпечаткам, либо по распознаванию лиц. Вряд ли он свои настоящие имена скажут. А вы, скорее всего, знаете многих из них. Не поможете?

– С удовольствием. Кого смогу – опознаю.

Всей группой отправились к задней части общины. Меж-

ду гаражами и складскими помещениями расположилось одноэтажное здание, всего с одним окном, приземистое, с толстыми стенами и массивной входной дверью, у которой стоял дежурный с оружием. Увидев Князева с группой, он потянулся отдать воинское приветствие, но сделал это очень неловко и нерешительно, вообще не понимая, что нужно делать в такой момент.

– Давай без вот этих армейских штук, ладно? У нас нет командиров и генералов, я такой же член “Истока”, как и ты, просто должность у меня другая. Мне не надо честь отдавать. – Похлопал парня по плечу Князев и открыл дверь.

Под потолком загудели люминесцентные лампы, моментально возвращая всех в советское прошлое. Выкрашенные серой краской стены, коричневая плитка на полу и побеленный потолок. Или это здание застряло во времени, или его специально строили так, чтобы максимально подавить и деморализовать узников. Коридор больше напоминал собой помещение мясника на рынке, или кабинет в старой провинциальной больнице, но никак не помещение на совсем недавно построенной военной базе. Пахло подстать антуражу: потом, сыростью и грязными телами. Пройдя дальше, свернули направо и уперлись в камеры с решетками, прямо как в обычном КПЗ. Напротив сидит еще один боец из “Истока”, выражая всем своим видом одновременно и ненависть к узникам, и недовольство своей обязанностью – караулить пленников в этом клоповнике. Князев подошел к решетке и

отшатнулся назад от ударившего в нос запаха, словно зашел в придорожный туалет где-то на отшибе, в котором не убивались со времен революции.

– Обалдеть? Это вы уже так постарались нагадить, или вас таким ароматом встретили? – Саша прикрыл нос рукой и подошел обратно к камере. Внутри восемь человек, кто-то лежит на голом матрасе, кто-то просто сидит на полу.

– Нет здесь никого не знаю. – Сказал подошедший Серго, полностью проигнорировав вонь. – Пойдем к другим камерам.

Во второй тоже знакомых лиц не оказалось, но пленники в ней разделились на две группы, по разным сторонам помещения.

– Ну привет, паскуда. Не ожидал тебя здесь увидеть. – Серго хищно оскалился, увидев знакомое лицо в последней камере. – Вот этот, здоровый, Авак Есяян, бывший начальник “Полночи”. Мразь конченная. Во время нашего восстания, собственноручно нескольких людей застрелил, простых гражданских, кто даже не знал о бунте. Насколько я знаю, он один из самых высокопоставленных нуклиевцев во всем крае.

– О! Так у нас тут у обоих знакомые есть. Привет, Пимон! Ну что, как тебе? Сменил комфортабельную комнату в Кабардинке на железную койку? Что-то ты пошел вниз по социальной лестнице. – Князев подошел ближе, моментально забыв о запахе и злобно улыбнулся, пытаясь скрыть за

сарказмом внезапно нахлынувшую злость. – Как мы поменялись ролями, да? Теперь ты взаперти, и твоя судьба зависит от нас.

– Можете делать что хотите. – Ответил Эксархидис, лежа на койке в потерянном состоянии. – Вы от нас ничего не узнаете.

– Да нам ничего и не надо. Вот думаю, что будет если вас просто отдать людям, ну тем, что в “Истоке”, которые знают, кто вы на самом деле.

Пимон закрыл глаза, пытаясь справиться с головокружением и галлюцинациями, Есаян лишь молча смотрел на людей за решеткой из-под бровей.

Оставили узников одних и вышли из мрачного помещения.

– Что будем с ними делать? – Стив посмотрел на Сашу с Серго.

– Не знаю, устроим общее собрание и решим. – Ответил Князев.

– Подождите. Есаяна надо приберечь, как и второго. Они могут знать очень важную информацию – где находится настоящий Нуклий. – Серго посмотрел на стены изолятора, так словно видел пленников через стены.

– И что? Даже если они и знают, то как мы заставим их говорить? Устроим здесь Гуантанамо? – Саша развел руками.

– Я сам с ними пообщаюсь для начала. А если Воеводов выкарабкается, то предоставим это ему. Он эксперт по до-

бычи информации из людей.

– Могу представить, какими способами. – Стив передернул плечами.

Глава 2

23 сентября

Поселок Текос

База “Исток”

16.23 по московскому времени

Мила зашла в кабинет и бессильно рухнула в кресло. Вика, уснувшая за столом, моментально проснулась и осмотрелась по сторонам.

– Как все прошло? – Колмагорова встала и подошла к Людмиле.

– Я не знаю, что за человек этот Воеводов, но здоровья в нем на десяток. Любой другой на его месте умер бы несколько часов назад. – Мила закрыла глаза и откинула голову назад. – Двенадцать осколков. Повреждение внутренних органов и артерий, сильная кровопотеря. Две кости перебиты. Контузия. Если бы не Ваня, я бы точно не справилась.

– Жить будет?

– Надеюсь, а то столько стараний коту под хвост. Сейчас все зависит только от его организма. Необходим очень долгий период реабилитации и восстановления. Он у нас надолго.

– А что с Сахаровым?

– Проникающее ранение в брюшную полость. Внутреннее

кровотечение. Операция была проще, чем у Воеводова. Вырезали часть кишечника, купировали кровоизлияние. Оправиться намного быстрее, но последствия этого ранения будут преследовать его всю жизнь. Четверо ребят из войска Вадима останутся навсегда калеками, без рук или ног. А уж сколько человек вчера получили ПТСР, мне и подумать страшно.

– Тебе надо отдохнуть. – Вика сочувствующее посмотрела на лицо Милы, уставшее, осунувшееся, с темными кругами под глазами. – Понимаю, что кроме тебя никто не поставит их на ноги, но о себе тоже нельзя забывать. Ты не машина, постоянно пахать на пределе – рано или поздно свалишься.

– Сейчас в душ и несколько часов сна, обещаю. – Мила попыталась улыбнуться.

– И поесть не забудь, ты уже сутки почти не ела.

– Обязательно. А потом – в “Восход”. Там еще работы непчатый край. Неизвестно, как это химоружие скажется на людях, надо постоянно контролировать их состояние.

– Со мной Саша связывался, люди Воеводова, оставшиеся на базе под Майкопом, предложили свою помощь и уже приехали в “Восход”. Помогают с охраной. Среди них два медика, уже начали осмотр пленных.

– Хоть какая-то хорошая новость за последнее время. – Людмила облегченно вздохнула. – А Князев уже стал Сашей? Первый раз слышу, чтобы ты его так называла.

Вика посмотрела на Милу, вскинув одну бровь.

– Шучу, шучу. Не обращай внимания, это уже нервное. –

Отмахнулась Людмила. – Вот теперь я тебя узнаю – колючку.

* * *

Продрав глаза, первое, что увидел – потолок медблока.

“Опять? Только недавно лежал здесь после стычки с нуклиевцами, и вот снова валяюсь на этой койке. Прописался что ли в этих палатах?”

Сахаров попробовал пошевелиться, но туго перетянутый торс помешал. Осмотрелся по сторонам: та же палата, в которой лежал полтора месяца назад, ничего не изменилось. Мила позаботилась, поместила в одиночную, знает, как он любит одиночество. Солнечные лучи пробиваются через жалюзи, разрезая комнату горизонтальными полосами. В кресле у стены дремлет Кочарян, уронив голову на грудь. Будить его не хочется. Приподнял одеяло и посмотрел на забинтованный живот и торчащие из него трубки, уходящие под кровать. Выглядит жутко. Еще больше нервирует, что нельзя встать. Опять ограничение. Опять он в больнице. Может это судьба? Всю жизнь провести, не выбираясь из медицинских казематов? Вроде и покинул “Исток”, но волей случая опять оказался здесь.

Джавид зашевелился, открыл глаза и потянулся. Заметив пришедшего в себя Марка, он подскочил, оступившись на отсиженной ноге. Замахал руками, ловя равновесие и шлепнулся обратно на стул.

– Блин, вырубился и всю задницу отсидел. Ох, как же я

ненавижу это чувство. – Кочарян потерял ноги. – Словно сотни крошечных ежей бегают под кожей. Ты как? Медсестру позвать?

– Нормально. Пить только хочу очень, во рту – Сахара. – Ответил Марк, облизнув пересохшие губы.

– Тебе нельзя, Мила сказала. Можно рот смачивать. Сильно болит?

– Пока не чувствую ничего. Может потом накроет. Ты давно здесь сидишь?

– Да как тебя на операцию увезли, так в палате ждал. Потом караулил, когда ты очнешься. Я же тебя знаю, подорвешься еще убежать, а тебе нельзя. У тебя пол пуза в шлангах. Ты “Дюну” старую, которая Девида Линча видел?

– Нет.

– Вот там был барон Харконен, жирный просто ужас, у него тоже из живота шланги торчали. Ему их вырвали, и он помер. Точно не помню, как там было, совсем мелким смотрел, но уверен, что, если тебе их выдрать, тоже долго не проживешь.

Марк вздохнул, и покачал головой.

– Что ты вздыхаешь? А кто еще если не я, будет тебя просвещать? Ты же полжизни в психушках провел. – Джавид подошел ближе, взял губку, пропитанную водой, и протянул Сахарову.

– Не пол жизни, а всего несколько лет, и со знанием кинематографа у меня все в порядке. – Марк смочил губы, хоть

и хотелось выпить воды большими глотками. – А у тебя работы нет, весь день так сидеть?

– Есть, но сейчас на базе тишина. Большая часть мужчин в “Восходе”, по твоему совету, присматривают за пленными. Так что стройку приостановили. И так-то мне и помимо работы есть чем заняться. Я здесь с девушкой общаться начал. – Заявил Джавид, от гордости выпрямившись и театрально задрал голову.

– С девушкой? Ого, а я думал, что ты гей.

– Да пошел ты. Сам ты гей. – Марк обиженно отвернулся. – Что с этим миром не так? Уже простую мужскую дружбу сразу за гомосексуализм принимают.

– Ладно, прости, я пошутил. Я это... – Марк замешкался. – Я ценю, что ты для меня делаешь, честно. Хотя никогда об этом и не говорил. Спасибо тебе. Мне твоя поддержка помогает. Понимаю, что часто веду себя как мудака, но ничего с этим поделать не могу.

Джавид замолчал, ошарашенный откровением Сахарова. Посмотрел на друга, но не смог подобрать слова.

– Это, я пойду, скажу врачам, что ты в себя пришел. – Затараторил он, направляясь к выходу. Остановившись в двери, Джавид повернулся и посмотрел на Марка. – Я знаю, что ты ценишь. Спасибо, что сказал. И извиняться тебе не за что. Ты первый настоящий друг в моей жизни.

Дверь закрылась, оставив Сахарова одного. Непривычное чувство, очень давно забытое и заброшенное, пробралось в

сознание.

* * *

Князев с Прайсом зашли в столовую, уже успевшую опустеть после обеда.

– Есть хочется до одури. Не думал, что в “Востоке” столько проторчим. – Сказал Саша, осматривая пустые столики.

– Скажи спасибо Серго, если бы не он со своими людьми, мы бы там на несколько дней застряли. – Стив направился к раздаче и попросил еды на двоих. Дежуривший повар встретил с улыбкой, и скрылся на кухне, вскоре вынеся два подноса. Две порции наваристого борща, картофельное пюре с куриными котлетами и овощной салат. Все уже из своих продуктов, свежее и ароматное.

– Как пахнет! – Князев потянул носом. – Давай быстрее кушать, а то желудок уже позвоночник обглаживает.

Сели за ближайший стол и только принялись к трапезе, как у Прайса зазвонил телефон.

– Кто это посягает на святое – отрывать человека от еды? – Спросил Александр, отправляя в рот ложку супа.

– Да, Кир, слушаю. – Прайс включил телефон на громкую связь и положил его на стол.

– Прайс. Необходимо чтобы ты вместе с Князовым приехали сегодня, как можно скорее ко мне, в Криницу. – Интонация Лесного всегда звучала одинаково – сухо и механически.

– Сегодня? А до завтра это не терпит? – Подключился к разговору Саша.

– Это срочно.

– У нас так-то планы есть, работа и свои дела тоже. – Не унимался Князев. Прайс шикнул на него, на что Саша лишь развел руками.

– Все остальное подождет. Необходимо срочно обсудить несколько вопросов. – Кир положил трубку.

– Интересно, он всегда выбирает самый неподходящий момент? – Саша нервно бросил ложку. Аппетит улетучился.

– А что случилось? Вроде ничего срочного делать не надо.

– Я Жене обещал, что заберу ее и мы погуляем, а получится что обманул.

– Ну зайди и объясни ей. – Стив пожал плечами.

– Офигеть, а я не додумался. Ты серьезно, или придуриваешься? Пойди объясни ребенку, что у тебя дела. Она обидится. Не знаю, как у вас там в Америках дети растут, но здесь, у нас, родители часто обещают и не держат слово, зачастую не по своей вине. А детей это ранит, они начинают думать, что они не нужны, что их отодвигают на последнее место. Я хорошо это знаю, сам в детстве так же думал, не понимая, что работа важна, что отец старается для семьи. Здесь нет правых и виноватых, это, мать ее за ногу, жизнь. Но Женька сейчас очень уязвима и гиперчувствительна, она только начала раскрываться и доверять мне. Да, черт возьми, мне самому знаешь, как тошно, если я хоть чем то ее

расстраиваю! А этому приспичило. Блин. – Князев скрестил руки на груди. – Может ты скажешь ему, что я заболел?

– Отравился и опять на унитазах сидишь?

– Это ты к чему?

– Ночью я сразу понял, что ты соврал, но понял, что не стоит расспрашивать. Если сам не сказал, значит либо что-то личное, либо не столь важное. – Стив поковырял пюре вилкой и отложил ее в сторону.

– Какой ты проницательный. Надо придумать, что делать, я не хочу Женю расстраивать.

– Может ее с собой взять?

– Она хотела погулять, а не кататься в машине к этому андроиду. Тем более мы собираемся обсуждать важные вопросы и ей станет скучно, у него там не дом, а стерильный кабинет, ребенку абсолютно нечем заняться.

– Точно, не подумал об этом.

– Ладно, пойду, заберу ее с занятий. Может по пути что-нибудь придумаю.

* * *

Из-за двери доносится детский смех и шум игры. Князев остановился ненадолго и прислушался. Стало по-хорошему завидно. Только дети могут так искренне и беззаботно смеяться. Умер мир, остатки человечества грызутся и уничтожают друг друга, а они играют и хохочут. Взрослые еще отходят от ночного потрясения, а пластичная детская психика

отринула весь негатив и дает просто наслаждаться еще одним днем на этом свете.

“Все бы отдал, чтобы сейчас так же веселиться. Просто жить, ловить каждую секунду, не думая ни о прошлом, ни о будущем. Вот чему надо учиться у детей: непосредственности и умею чувствовать. Мы слишком зашуганы и перегружены мыслями, за которыми теряем главное – жизнь. Думаем о ней, планируем, рефлекслируем, забывая, что именно в этот момент утекают драгоценные секунды, которые уже никогда не вернуть. Мы разучились радоваться, удивляться и быть счастливыми, проживая или в погоне за синей птицей, или в бездне хронической депрессии и фрустрации. “Пурпурный” показал: ничто не вечно, жизнь каждого может оборваться в любую секунду, кто бы ты ни был, хоть сильный мира сего, хоть утопающий на социальном дне. Если мы сейчас не очухаемся, если такая “оплеуха” нас не образумит, то человечество обречено. А дети... С них надо начинать. Пока их мозг не загружен штампами былых социальных устоев, необходимо показать им новую жизнь, чтобы они не растеряли эту непосредственность.”

Открыл дверь и первое, что увидел, множество счастливых детских лиц с покрасневшими щеками. Они бегали вокруг Татьяны Валерьевны, сидящей на полу и пытающейся схватить, и с визгом и смехом уворачивались от ее рук. Женя, еще совсем недавно стеснявшаяся даже говорить, наворачивала круги со всеми, увлеченная игрой. Саша застыл

и засмотрелся на девочку. Женя, заметив Князева, подбежала и крепко обняла.

– Уже, мы идем гулять? – Сказала она, запыхавшись. – Можно я еще чуть-чуть поиграю и тогда пойдем?

– Да, конечно. Я подожду. – Саша про себя обрадовался, так как еще не придумал объяснения для своей отлучки.

Женя развернулась и бросилась в круг бегающих детей, влившись опять в игру.

– О, смотрите кто у нас здесь. – Услышал Князев за спиной голос Вики. – А чего это ты так рано? Обычно позже ее забираешь.

– А ты что здесь делаешь?

– Хотела с ней погулять, перед тем как ты ее домой отведешь. Получить дозу антистресса, так сказать. Да и Женьке полезно побольше дышать свежим воздухом и общаться с представителями женского пола.

– Мы тоже собирались с ней идти на прогулку. Она даже предложила тебя позвать, видно ей тоже по душе твоя компания. – Саша закрыл дверь и отошел чуть в сторону. – Только у меня не получится, хотел ее об этом предупредить, но не знаю, как.

– Не хочешь ее расстраивать? – Вика сменила тон на понимающий.

– Да я сам уже расстроился. Пообещал ей, и не могу сдержать слово. Мне ее не хватает, со всей этой суетой, стал мало проводить времени с ней. Боюсь, чтобы она не почувствова-

ла себя одиноко.

– Ого, а ты умеешь удивлять. – Вика искренне вскинула брови. – Мужчина, который пытается сдержать слово – редкость! Тебя даже совесть мучает, оказывается, хотя я думала она у тебя атрофированна. Ладно шучу, не злись. Если она хотела прогуляться, то давай я с ней пойду. Мила отдыхает, у меня есть свободное время, тем более, я и так собиралась. Постараюсь ей объяснить, почему тебя нет, так, чтобы она не расстроилась. Женья – девочка умная, не по годам, поймет.

– Спасибо. – Князев посмотрел девушке прямо в глаза. – Ты очень сильно мне поможешь.

– Да ладно, я за Женьку переживаю, чтобы она не грустила. – Вика встала и подошла к двери в детскую. Открыв, в последний момент повернулась к Саше и бросила через плечо. – Хотя, может и не только...

17.42 по московскому времени

Поселок Криница

В резиденции Лесного ничего не изменилось. Бетонный “айсберг” посреди виноградников и персиковых садов словно застыл вне времени и пространства. Даже воздух пропитан некоей безмятежностью и спокойствием, несмотря на то, что всего в нескольких десятках километров вчера шел ожесточенный бой. Князев со Стивом выбрались из машины и входная дверь, будто по мановению волшебной палочки,

ки, услужливо распахнулась. Белые стены, пол и потолок, все стерильное и пустое, глазу не за что зацепиться.

– Жду вас в гостиной. – Все тот же холодный голос из динамиков.

Молча проследовали по знакомому коридору и увидели Кира, сидящего на диване со стаканом молока в руках.

– Приветствую, присаживайтесь. Голодны? – Ни капли эмоций в голосе, ни толики мимики на лице.

– Спасибо, аппетита нет. – Проворчал Князев, опускаясь на белый диван. – Что за срочность?

– Во-первых, хотел обсудить вчерашний инцидент. Александр, хоть ваша бунтарская инициатива и завершилась успехом, но вы осознаете, какому риску подвергли “Исток” и всю нашу задумку? – Лесной поставил стакан на журнальный столик и скрестил пальцы на колене.

– А что мы по-твоему должны были сделать? Сидеть молча и наблюдать как Нуклий убивает Воеводова? Да, он парень непредсказуемый и его методы решения проблем вызывают вопросы, но не стоит забывать, что именно Вадим вытащил нас из “Рассвета”. Не будь его, мы бы сейчас сажали картошку под Крымском и оплакивали смерть Сахарова. К тому же, он умудрился всего за три месяца полностью прекратить деятельность анклавов на территории края, тем самым очень сильно облегчив нам существование. Смогли бы мы так спокойно строиться и набирать людей, не устрой Воеводов восстание Спартака? Сомневаюсь. – Князев, в отли-

чие от Кира, не сдерживал эмоции при разговоре.

– Я не принижаю заслуг Воеводова, но и не сбрасываю со счетов количество загубленных им жизней. Он непредсказуем, импульсивен и готов идти на все, ради своей цели. Ты же знаком с его досье? Мы имеем дело с профессиональным разведчиком – диверсантом, которого годами обучали добиваться своего любой ценой. Множество заграничных миссий, десятки убитых людей, работа под прикрытием, внедрение в стан противника. Потери среди гражданских для него – сопутствующий ущерб. Для таких людей не существует моральных аспектов. Его действия не поддаются контролю и прогнозированию. Он опасен. Мы не можем ставить под угрозу наш план, ради личности столь неоднозначного человека.

– Тебе бы говорить о морали. Ты сам выбрал нас, ссылаясь на свою несостоятельность в человеческих эмоциях и взаимодействиях. Поверь, вытащить Воеводова из котла нуклиевцев было необходимо. Кем бы мы стали в глазах своих же людей? Как бы мы потом разговаривали с Михаилом, Ромой и Марком? Если посеять сомнения, в том, что ты будешь за своих до последнего, в решающий момент любой человек тебя предаст. Люди должны верить, что они не одни, что за их спиной стоит “Исток”, для которого ценность человеческой жизни превышает всего. Я сам это только недавно понял, спасибо нашему Капитану “Америка” с его моральным компасом. – Саша кивнул в сторону Стива. – И все твои доводы

о рациональности, логике и прочей чепухе, разобьются об простое человеческое: “мы своих не бросаем”. Кем бы они не были, какие ошибки бы они не совершили. С этим разберемся сами, за закрытыми дверями, но бросать вот так, просто сделав вид, что мы не при делах, это подло и низко.

– Я так понял, что мы не придем к консенсусу в данном вопросе. Хорошо. Я не буду тебя переубеждать. Надеюсь, что нам не придется заплатить за эту ошибку. Но я убежден, что в результате, вы прибежите ко мне за помощью, и первое, что вы услышите – “я вас предупреждал”. – Кир повернулся к Стиву, всем видом показав, что данное обсуждение закрыто. – Сколько у тебя есть свободных людей, способных обучаться и быстро схватывать?

– Э-э-э... – Прайс на мгновение впал в ступор от такой резкой перемены темы разговора. – Надо подумать. Сейчас все заняты в “Восходе”. Как разберемся с пленными, человек восемь – десять могу рекомендовать, а что?

– Через две недели я буду вынужден временно покинуть Краснодарский край. Предвосхищая вопросы: необходимо скорректировать орбиты спутников, для дальнейшего использования их в наших целях, таких как геопозиционирование, метеорология, спутниковая связь. Свои сможем запускать еще не скоро, так что надо поддерживать работоспособность существующих. Здесь я не обладаю нужным оборудованием, чтобы проводить данные корректировки, поэтому обязан покинуть вас на время. Связь буду поддерживать.

Производственный цех оставляю полностью под твоим контролем и ответственностью, Стив. За короткое время нужно восполнить твои пробелы в знаниях и обучить предоставленных людей для контроля за работой машин. Нагрузка не большая, большая часть процесса регулируется нейросетями. Все ранее анонсированные разработки я предоставляю до отъезда, включая конвертоплан, электродвигатели нового поколения, автономные источники освещения на обновленных светодиодах и нейронные процессоры, для внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в электронику. Приступаем к работе завтра. Жду тебя лично с группой людей в девять ровно. – Кир встал и посмотрел на Князева и Прайса. – На этом наш разговор завершен, мне необходимо вернуться к работе.

Лесной вышел из помещения, не дожидаясь ответа.

* * *

– И вот стоило нас ради пятнадцати минут выдергивать? Не могли по телефону переговорить? – Возмутился Князев, и хлопнул по приборной панели рукой.

– Скорее всего, Кир хотел переговорить лично. Увидеть твою и мою реакцию. Он не любитель общаться дистанционно. – Стив не отрывает взгляда от дороги, хоть и водит уже лучше, чем несколько месяцев назад, но все равно чувствует себя за рулем не уверено.

– Да мне все равно что он там хотел. Раздражает он меня

до скрежета зубов.

– Алекс, ты перегибаешь. Да, он специфический, но нельзя же относиться к нему настолько предвзято. Просто поставь себя на его место, никаких эмоций. Вот даже этого раздражения нет. Лесной не знает, что такое радость, грусть, тоска, восторг, любовь. Это же ужас. Он вообще не живет. Чисто зритель, который смотрит на протекающую мимо жизнь. Даже изобретения не приносят ему никакого удовлетворения. Я заметил, что его увлекает только процесс создания нового, но как только он достигает результата, так сразу теряет к своему детищу весь интерес. Еду в его холодильнике помнишь? Это же просто набор питательных веществ без какого-либо вкуса. Ему даже настолько банальные вещи не приносят никакого удовольствия. Ты на него злишься и не понимаешь, я тоже не всегда. А представь, как себя чувствует он? Мы же воспринимаем мир в первую очередь отталкиваясь от своих эмоций, а он их лишен. Он не понимает людей от слова “совсем”. Вот кто-то сказал что-то обидное, и ты расстроился. Эмоция и реакция. А у него не выработан этот паттерн, потому что он не чувствует обиды и не знает, как на нее реагировать. И так со всем. Да, в силу жизненного опыта, он запомнил и выучил самые банальные социальные взаимодействия, но более комплексные эмоции и реакции ему не подвластны. Многие на его месте или закончили бы жизнь суицидом, или ударились бы в наркоманию и пьянство, что по сути своей тоже медленное самоубийство. Но Кир нашел

себя в науке, и старается сделать этот мир лучше, насколько может. Будь снисходительнее, постарайся понять его.

– Меня это просто триггерит. Детская травма. Он очень напоминает моего отца. Тот тоже всегда ходил с безучастным серьезным лицом. Увидеть его улыбающимся или грустным? Да скорее снег розовый пойдет и раки на горе споют “Show must go on” а капелла. А я в лепешку разбивался, старался, хотел, чтобы он гордился мной. Но всегда получал в ответ лишь холодное безразличие. Мне много не надо было, хватило бы и “молодец, сынок” и скупого объятия. Дети же в первую очередь принимают удар на себя, думают, что проблема в них, что они плохие и приносят лишь разочарование. – Выпалил Князев, с такой болью в голосе, словно вернулся в детские годы.

– Так ты поэтому подался во все тяжкие? Наркотики, клубы и прочее?

– Скорее всего да. Старался сбежать от этого мира. Былая потребность во внимании превратилась в затянувшийся подростковый бунт. И не случись “Пурпурный рассвет”, не знаю, чем бы это все закончилось. – Саша замолчал и отвернулся к окну.

18.30 по московскому времени

База “Исток”

Женя, набегавшись вокруг пруда, подбежала к Вике и села

рядом. Засмотревшись на пистолет-пулемет, девочка осторожно потрогала его пальцем.

– А ты научишься меня стрелять?

– Стрелять? – Вика опешила от такой просьбы. – Зачем это тебе стрелять?

– Вдруг я встречу плохого человека. Будь у мамы такой, она осталась бы жива.

Колмагорова посмотрела на девочку и не нашла слов для ответа, лишь неловко приобняла ребенка.

– Научи.

– Подрастешь немного, обязательно научу. Не потому, что ты маленькая, просто, чтобы справиться с такой штукой, нужно иметь сильные руки.

– Они у меня сильные.

– Не спорю. – Вика отстегнула от оружия магазин, передернула затвор, и, убедившись в безопасности, дала его Жене. – Ну как?

– Тяжелое.

– Вот, а с магазином еще тяжелее. Когда начинаешь стрелять, оно еще прыгает и дергается, как взбесившаяся кошка в руках. Даже я с трудом удерживаю, честно. Чуть окрепнешь, и сразу же будем учиться. А пока я всегда буду рядом, даже если ты меня не видишь, я где-то поблизости, охраняю тебя от плохих людей. – Осторожно забрав у девочки пистолет-пулемет, Вика положила его в сторону.

– П... Саша тоже меня охраняет. Рядом с ним я не боюсь.

И с тобой тоже.

— Да, Саша молодец. Вот и сейчас он уехал, чтобы тебе было еще спокойнее и никакие плохие люди не могли и близко к нам подобраться.

— Я знаю. Но все равно скучаю. И по тебе скучаю, когда тебя нет рядом. А почему ты не живешь с нами?

— Ну... — Вика, не привыкшая к таким прямым детским вопросам, растерялась. — Взрослые живут вместе, когда они любят друг друга.

— А вы разве не любите? — Женя посмотрела прямо в глаза. — Мне показалось, что любите.

Колмагорова окончательно растерялась, лихорадочно соображая, что ответить, и сама для себя, не понимая собственных чувств к Князеву.

— Я так и думал, что вы здесь. — Послышался спасительный голос Саши. — Вот я приехал, как и обещал. Чем занимаетесь?

Князев сел рядом и посмотрел на застывшую Вику.

— Я спросила, любите ли вы друг друга, а она молчит. — Женя пожала плечами.

— Какой интересный вопрос. — Саша задумчиво повернулся к Колмагоровой. — Ответь, не томи ребенка.

— Князев иди ты в з... — Вика осеклась на полуслове и посмотрела на девочку. — В загадочные дали потеряйся. Жень, такие вопросы лучше не спрашивать, ты ставишь в неловкое положение.

– Ладно. Может, пойдем еще погуляем? Саш, покажешь вертолет, на котором вы летали.

19.02 по московскому времени

Город Геленджик

Район Голубая Бухта

Потянувшись, Сталюков вышел из спальни. Голова гудит, как с похмелья. Каждый раз после дневного сна, чувствовал себя разбитым и потерянным, словно не спал, а разгружал вагон цемента вручную. Из кухни доносятся голоса: громкий и звонкий Марины, и спокойный Михаила.

– Проснулся? Присаживайся, поешь, а то, как прилетели, ты сразу спать рухнул, даже не перехватил ничего. Ира, в наше отсутствие, накашеварила здесь – бригаду накормить можно. – Федорович по-хозяйски наполнил тарелку пловом. – С курицей, бараниной сейчас не разживешься.

– Так наоборот лучше, не люблю баранину. – Рома подвинул к себе порцию, пытаясь заглушить урчащий живот. – Новости из “Истока” есть?

– Воеводова и Марка прооперировали. Сахаров уже в сознании, Вадим еще нет. – Михаил сел рядом и по старой привычке курильщика, пошевелил губами, словно держал в них сигарету.

– Какие прогнозы?

– Марк быстро оклемается. На нем заживает как на соба-

ке, крепкий мальчишка. С Воеводовым сложнее, ему хорошо досталось. Пока под наблюдением, если переживет эту неделю, то шанс на восстановление есть.

– Да, печально. – Роман опустил голову. – Много наших потеряли?

– Почти всех. – Федорович тяжело вздохнул. – Серго пока отправил людей в “Восход”, помогать ребятам с пленными.

– А мы что делать будем? – Подключилась к разговору Марина.

– То же, что и делали: патрулировать побережье и кататься в поисках полезного. Ничего не изменилось, только связываться теперь будем с “Истоком”. Как показала вчерашняя ночь, больше всего охранять надо их. Затея Вадима провалилась. Нуклий остался цел, и они знают, где засели ребята. Одной высадкой не обойдется. Потрепали мы их знатно, но они скоро соберутся с силами и нанесут второй удар. Надо быть к этому готовыми. – Ответил Михаил.

– Ты давно с Тимуром связывался? Как он там? – Прожевав, спросил Сталюков, хоть аппетит был и зверский, но из-за прошедших событий кусок в горло не лез.

– Улетел в “Восход”, заниматься организационными вопросами. А что?

– Да переживаю за него, он же совсем еще мальчишка, а вчера побывал в аду. Как он с этим справится? Ему же даже поговорить там об этом не с кем, сам знаешь, какой из Марка собеседник.

– Ты прав, после такого легко и крышей уехать.

– Надо проведать его, как обратно вернется.

– А сам-то ты как? Воевать против врага это одно, а вот обстреливать из вертолета обманутых людей, совсем другое. – Федорович пристально посмотрел на Романа.

– Пока не знаю, еще не успел осознать. Больше думаю о том, что дальше будет. Как теперь противостоять Нуклию, когда мы лишились почти всех. Они же просто так это не оставят.

– Я об этом же. Вчера я понял одну вещь: анклавовцы не готовы к таким массированным атакам с воздуха. Они не рассчитывали, что среди выживших будет столько способных управлять вертолетом. Если на земле они могут раздавить даже группировку, подготовленную Воеводовым, то двадцать боевых вертолетов для них уже почти непреодолимая проблема. Надо делать упор на это. Собирать больше вертушек, учить ребят, тренировать. Главный же плюс в том, что они управляются дистанционно, и мы не несем никаких потерь, кроме техники. Не знаю, кто на это надоумил ребят, но он просто гений. С такими технологиями можно не то, что Нуклию задницу надрать, фактически, любой “до-пурпурной” армии мира.

– Надо мне тоже осваивать летное дело, что “оператором”, что, непосредственно, пилотом. – Роман покончил с едой и отодвинул пустую тарелку.

– Правильно мыслишь, как раз хотел тебе предложить. А

то, кому я, если что, “Карлсона” оставляю. – Михаил усмехнулся и хлопнул Сталюкова по плечу.

23.42 по московскому времени

База “Исток”

Суэта улеглась. Дорожки и тропинки опустели, только летающие дроны и редко проезжающие охранники нарушали тишину. Юлаев, окинув взглядом вертолет, побрел от взлетного поля в сторону жилого корпуса. Свежий летний ветер холодит кожу и наполняет воздух ароматом подступающей осени. Утомленные за последние сутки люди уже разбрелись по комнатам и давно спят. Только Тимуру спать абсолютно не хочется. Противный тремор в руках никак не проходит. В груди – тугая пружина тревоги натягивает диафрагму и мешает дышать. Мысли в голове – бессвязные, рваные, мечутся и носятся, как гонимые ветром листья на земле. Ни аппетита, ни сна. Вообще никаких желаний. Перед глазами – трупы, десятки убитых людей, в залитой кровью форме, с ужасными ранами, оторванными конечностями, костями, прорвавшими кожу, выпавшими внутренностями. И они не уходят, как бы Юлаев не старался. Стоит только закрыть глаза, задуматься или просто засмотреться. В ушах звучат автоматные очереди и стоны умирающих. Страшно представить, что начнется, если он попытается уснуть.

Похлопал себя по карманам. “Блин, бросил же.” Посмот-

рел по сторонам, подумал с секунду и пошел быстрым шагом в сторону гаражей. Прямо перед боксами – несколько дежурных внедорожников, с ними рядом стоят два техника. Тимур подошел к первой машине и открыл дверь.

– О, привет. – Обратился один из механиков. – Ты куда на ночь глядя?

– По безопасности проверить надо. – Бросил, не поворачиваясь, Юлаев.

Нажав кнопку, завел внедорожник. Никакого привычного рокота мотора и вибрации кузова. Электромоторы абсолютно бесшумны. Вывернув руль, отъехал от гаражей и медленно, словно нехотя, поехал к выезду с базы. Фары воруют у темноты подстриженные кусты вдоль дороги, яркой вспышкой в конусах света, пролетают мимо насекомые. Блики пробежали по окнам непривычно темного административного корпуса. Кажется, что он один не спит во всем “Истоке”, как в детстве, когда проснешься ночью, и тихо ходишь по квартире, боясь потревожит спящих родителей. На КПП пропустили без лишних вопросов. За воротами прибавил скорость и открыл все окна. Набегающий ветер из окон начал обжигать холодом, Тимур лишь сильнее вдавил газ. В поселке повернул направо, в сторону Геленджика и, выехав на трассу, разогнал машину. Тяжелый внедорожник кренится в поворотах, проходя их со скрипом шин. Безопасность? Да пошла она куда подальше, эта безопасность. Юлаев откинулся на сидение и крутит руль одной рукой. Покопавшись в ворохе

всякого хлама возле уже ненужного рычага коробки передач, нашел старенький МРЗ-плеер с проводом. Подключил его к штатной аудиосистеме. Список исполнителей не знакомый, одна иностранная музыка. Когда надоело листать, включил первую, в которую ткнул пальцем. На экране плеера высветилось: “Deftones” – “Passenger”. Салон авто наполнился тяжелым гитарным рифом. Протяжный меланхоличный вокал, как раз под настроение. Выкрутил регулятор громкости до максимума, чтобы заглушить грохот выстрелов в ушах. Пустая трасса, сплошная тьма вне света фар. Холодный ночной воздух хлещет по щекам, как бьющаяся в истерике девушка. Надрывающиеся колонки, доносящие аккорды взрывного припева. Асфальт, самоубийственно кидающийся под колеса с сумасшедшей скоростью.

“Может просто дернуть руль и все? Доля секунды и конец. Никаких больше анклавов, нуклиев, ракет, автоматов и трупов. Все закончится. Не надо будет стараться, делать что-то, просто темнота. Всепоглощающее ничто. Тихо и спокойно, точнее никак.”

Немного дернул баранкой в сторону. Внедорожник метнулся по трассе, цепляясь шинами за асфальт. Загорелся значок электронного контроля устойчивости. Автомобиль всеми усилиями удержался на дороге, уберегая от неизбежного. Тимур ожидал выброса адреналина, страха, но не почувствовал абсолютно ничего. Лишь хмыкнул себе под нос и продолжил ехать.

Пшадра. Центральная площадь. Остановив машину возле совсем крошечного здания автовокзала, выбрался наружу. Магазинчик, в котором он выбил витрину два с половиной месяца назад. Пол уже успел покрыться слоем пыли. Запах гнили выветрился. Открытый ларь с пачками сигарет, достал упаковку Парламента, знакомый и привычный прямоугольник из бумаги в руках. На боку предупреждающая картинка: тощее, очень похожее на высушенных вирусом мумий, тело человека с торчащими ребрами и броская надпись - "мучительная смерть". Усмехнулся и содрал зубами целлофан. Привычный горький дым наполнил легкие, заставив закашляться. Глаза заслезились, по ногам разлилась ватная слабость. Тимур сел на ступеньки магазина и, не обращая внимания на кашель, сделал две глубокие затяжки, наблюдая как тлеющий огонек пожирает белое тело сигареты. Первая прогорела до фильтра слишком быстро. От нее же подкурил следующую, не вставая. Захотелось пить. Окинув взглядом давно неработающие холодильники, посмотрел на небольшую полку прямо за кассой. Квадратная бутылка с диагональной красной этикеткой, ниже лихо шагает английский сэр в цилиндре. Отвинтил крышку, хорошо что без пластикового дозатора. Первый глоток даже не ощутил. Вторым обжег горло и повторно вышиб слезы. Уже и забыл вкус алкоголя. Еще два больших глотка. Через несколько минут накатило опьянение, закружив голову и расслабив все тело. Ступени сразу стали очень уютными и удобными. Голова очистилась от

всех мыслей. Следующий глоток уже поменьше. Погонял во рту, смакуя вкус. Исток, Нуклий, все отошло на какой-то далекий и забытый план. Вальяжно поднялся и добрел до машины. Сидение показалось самым комфортабельным диваном, на котором сидел в жизни. Опустил спинку, приняв почти лежащее положение и включил музыку, выпустив в потолок облако табачного дыма.

Возвращаться в “Исток” не хочется. Здесь, в самом центре умершего поселка, так тихо и спокойно. Закрыв глаза, представил, что ничего не было. Вообще ничего. Ни “Пурпурного”, ни “Рассвета”, ни “Истока”. Даже службы в армии. Простая ночь, простого дня. Он, после знатных посиделок с друзьями сидит в машине. Тридцать минут в дороге, и он дома, не важно, что водить ему раньше не приходилось и водительских прав никогда не получал. Отец не спит, или за столом, читает и курит, или в зале у телевизора. Ждет непутевого сына. Он даже слова не скажет, лишь посмотрит разочарованно и отправит спать. Мама утром будет обиженная и молчаливая, отойдет только к обеду и спросит, где вчера пропал, заставил ее нервничать и переживать. Только все это лишь фантазия. Отец с мамой похоронены в саду, они мертвы. Как и все те люди на лестнице штаба лжеНуклия. А он сидит пьяный и с сигаретой в центре умершего поселка.

Глава 3

24 сентября

08.17 по московскому времени

База “Исток”

В медблоке, в отличие от всего “Истока”, тихо. Если на территории постоянно кипит жизнь, то в стенах госпиталя царит спокойствие. Раненые либо спят, либо просто лежат. Уже не слышно вчерашних стонов и нет суеты, только медсестры изредка ныряют в палаты, проверяя состояние пациентов или принося лекарства.

Джавид осторожно, на цыпочках, прошел до нужной двери и аккуратно открыл. Сахаров не спит. Лежит и смотрит в окно с безразличным лицом.

– Здорова, мужик. Ты как? – Кочарян сел на стул рядом с кроватью, и поставил на пол принесенную сумку.

– Как видишь, развлекаюсь, лежу. – Марк повернулся и скривился от боли.

– Сильно болит?

– Нормально. Такое чувство, что мне в живот засунули миксер и нехило ак его там покрутили.

– Представляю. Думал, чего тебе притащить, из еды ничего нельзя...

– Я бы сейчас за бургер душу продал, или на худой конец от шаурмы бы не отказался. – Сахаров облизнул пересохшие губы.

– Так вот. – Джавид достал из сумки ноутбук и наушники. – Решил, что тебе не помешает. Я там фильмов всяких накидал, сериалов, книг. С жестких дисков Прайса насканировал, и только потом понял, что он все уже в нашей сети выложил. Хоть как-то время коротать будешь. Как сможешь сидеть, и поиграть во что-нибудь можно будет.

– Спасибо. – Искренне ответил Марк, и сам удивился своему тону. – Так действительно будет легче. А девушку то как зовут?

– Какую девушку?

– Ну твою, или ты соврал?

– Сам ты соврал. – Кочарян положил ноут на тумбочку, где Сахаров мог до него дотянуться. – Аня, прикольная такая. Оператор, на вертолете летает. Татушка на шее. У нас с ней столько общих интересов, прошаренная еще больше чем я. Часами болтать можем.

– Тоже ходячая энциклопедия по поп-культуре?

– Не, она – личность многогранная. Это я задрот, а она вообще во всем разбирается. С ней даже про компы поговорить можно и ей это по настоящему интересно. Главное – я ей реально нравлюсь. Сама приходит, даже днем несколько раз ко мне на склады навещала.

– Ты прямо жить начал. – Хмыкну Марк.

– До “Пурпурного” я для девушек был невидимкой. Нафиг им нужен какой-то гастарбайтер. Сутками пропадал на работе с шестнадцати лет, склады, распределительные центры. Катался себе на погрузчиках и все, что я видел это тысячи коробок. Да и разговаривать с девушками я не умел. Тушевался сразу, начинал нести чепуху. Уже смирился с мыслью, что так и помру инцелом. В восемнадцать перебесился и как-то забил на это.

– А чего ты вообще хотел? Ты же не собирался всю жизнь работать грузчиком?

– Деньги копил, думал уехать. Сначала выбирал между Канадой и Австралией. Страны построили эмигранты, надеялся, что хоть там не буду извечной белой вороной. Начать жизнь с чистого листа, сменить профессию. Всю жизнь мечтал податься в развлекательную индустрию, кино там, гейм-девелопмент. Нравится мне это. Но потом осознал, что виза в эти страны мне не светит, и решил переехать в Аргентину. Да и испанский как то лучше пошел, с английским беда полная. Накопил уже нормально так, еще пару лет и точно бы уехал. А тут эта эпидемия, и все накрылось медным тазом, деньги мои превратились в скриншот с телефона, с цифрами на банковском счету и ехать больше некуда, весь мир умер.

– Зато видишь, как все повернулось. Девушку нашел.

– Сначала я тебя нашел, и многому у тебя научился. Уверенности в себе первым делом. Если бы не общался с тобой, я бы и от Аньки шарахался бы, как от огня. Мы уже

даже целовались, представь. Она еще так удивилась, думала я застенчивый. А я взял инициативу на себя, чего теряться, неизвестно, сколько мы еще проживем, со всем что вокруг происходит. Вот поправишься, я вас обязательно познакомлю. Она тебе понравится.

Сахаров чуть улыбнулся. Такая привязанность Джавида его одновременно и забавляла, и в то же время успокаивала. Только сейчас он понял, что относится к нему, как к младшему брату, хоть он почти ровесник, разница всего год.

– Как там Тимур? – Спросил Марк.

– Не знаю. Я его со вчера не видел. Он отоспался и улетел в “Восход”, решать вопросы по безопасности. Во сколько прилетел не знаю, мы с вечера с Аней у нее сидели, играли в компьютер и болтали о всяком.

– Если увидишь, попроси его ко мне зайти. Хорошо?

– Без вопросов. Может тебе еще что-то нужно?

– Ага, гены Россوماхи, чтобы пузо быстрее зажило.

Джавид громко засмеялся и тут же заткнул себе рот, осмотревшись по сторонам.

14.24 по московскому времени

База “Исток”

“Достали, блин, со своими расспросами”. – Подумал про себя Юлаев, шагая в сторону госпиталя.

Только что встреченный Кочарян, увидев заспанное и

опухшее лицо занялся: “что с тобой”, “может тебе плохо”, “отдыхай больше”. Какая ему разница? Что, выпить уже разок нельзя, расслабиться? Последний раз пил три месяца назад. Ничего криминального не случилось, подумаешь, опрокинул бутылку вискаря. Странно, как все остальные еще не спились в этом дурдоме. Но нет, человека нельзя оставить в покое. Надо его донимать. А вам не все равно?

Суетливые медсестры снуют из палаты в палату, бросая внимательные взгляды, на вошедшего. Такое ощущение, что они с расстояния чувствуют запах перегара, и осуждают, как любой взрослый, заставший подростка с бутылкой алкоголя или сигаретой.

“Да идите вы все к чертям собачим. Я могу делать, все что захочу. Давно уже не маленький.”

Тимур опустил взгляд в пол и зашел в палату Сахарова.

– О, привет. – Марк попытался приподняться на кровати, но у него не вышло. – Что-то ты выглядишь не очень.

– Только ты не начинай. Меня Джавид уже допек. Выгляжу, как выгляжу. Ты как? – Тимур опустился на стул и осмотрел палату в поисках любой жидкости, которую можно выпить.

– Нормально, жить можно. Ты загулял вчера что ли? Я от твоего перегара сейчас сам опьянею.

– Какая разница?

– Большая. – Сахаров сменил тон на серьезный. – Мы же там вчера оба были. Я тоже все это видел и пережил. Толь-

ко моя психика уже травмирована, я с этим живу несколько лет. А для тебя это было впервые. Я прекрасно понимаю, что может произойти с неподготовленным человеком, пройдя он через такое. И твое поведение сейчас только подтверждает, что прошедшая ночь не прошла бесследно. Знаю, о чем говорю, сам себя так же вел, и ты знаешь, к чему это привело.

– Ты хочешь сказать что я слабак? – Юлаев скрестил руки на груди.

– Нет. Не додумывай за меня. Наоборот, говорю, что ты самый нормальный человек. А крыша от такого может поехать даже у самых ментально сильных людей. Это не показатель крутости или выносливости. Только человек, с психологическими отклонениями, может пережить такое и никак не отреагировать. Вот если бы ты сегодня ходил веселый и бодрый у меня было бы намного больше вопросов. Самое главное – не замыкаться, не уходить в себя. Поделись с кем-то своими переживаниями и мыслями, да хоть со мной.

– Я в порядке, мне не нужна психотерапия.

– Не отталкивай тех, кто хочет тебе помочь и не будь дураком. Ты сам прекрасно понимаешь, что ты не в порядке. Блин, ты совершаешь ровно те же ошибки, что и я. Когда Миры не стало, я обозлился на весь мир. Ненавидел буквально каждого, и себя, в том числе. Братья, Альберт и Герман, всеми силами пытались вернуть меня к нормальной жизни. Сейчас я это понимаю, но тогда воспринимал их опеку прямо как ты сейчас нашу. Мне казалось, что они хотят пока-

зять мои слабости, что они не понимают меня, что им важно лишь продемонстрировать свое превосходство. От этого я зарывался глубже и глубже, пока не провалился в пропасть маниакально-депрессивного синдрома и не поселился в психушках. Будь я хоть немного сильнее или умнее, то не отказывался бы от помощи, послушал братьев и избежал бы того, что разрушило мою жизнь и добило родителей. Да, это моя вина. Потерять одного ребенка – самое тяжелое, что может испытать человек в жизни. Но видеть, как на твоих глазах сходит с ума и гробит себя второй – этого они не вынесли. Сначала мать, приступ сердца. Злая ирония жизни, отец – один из лучших кардиохирургов в стране, и его жена умирает от приступа. Через полгода не стало и папы, не смог он жить без двух детей и любимой, для него семья была всем. Так что ПТСР ранит не только тебя, он отравляет все вокруг своими липкими лапами. Один ты из этого не выберешься, поверь.

Тимур молча смотрел в одну точку, слушая, но ни как не реагируя на слова.

– Я тебя ни о чем не прошу. Тебе не надо ничего делать. – Продолжил Марк. – Просто не отгораживайся. Вот Джавид на первый взгляд взбалмошный и вечно шутит, но у него золотое сердце. Он реально переживает за тебя и хочет помочь, по себе знаю. В любой момент можешь прийти ко мне. Я в этих ботинках намотал не одну тысячу километров и стер ноги до крови. Что для тебя сейчас ново, для меня уже при-

вычно. Больше всего не хочу, чтобы ты превратился в мое подобие. Это не жизнь. И дня не проходит, чтобы я не жалел о совершенных ошибках.

– Вот это тебя разобрало на откровенность. – Пробурчал Тимур.

– Ну кто-то же должен начинать. Я первый раз озвучил эти мысли. И, знаешь, стало легче. Ты тоже попробуй. Вроде просто слова, а действуют волшебным образом. Сам раньше ненавидел душевные беседы с мозгоправами, но им на тебя все равно, они лишь выполняют свою работу. А вот так поговорить с другом, этого мне не хватало, даже очень.

– Что же ты не стал с нами говорить, когда сбежал из “Источка”? – Парировал Тимур.

– До тебя не достучишься... – Выдохнул Сахаров. – Потому что был дураком, обиделся. Задело, что вы во мне усомнились. Изнасилование – жесточайший триггер для меня. Потерял над собой контроль, вспылел. Когда уединился, остыл и осознал, что рубанул с горяча. Вы тогда тоже хороши, и не говори, что вы не сомневались. Я, может, и псих, но такое понять могу. Ладно, не буду тебя грузить. Хочется оторваться и выплеснуть накопившееся, валяй. Если станет от этого легче, то ты вправе делать что в голову взбредет. А как захочется поговорить, знаешь где меня искать. Судя по всему, я еще не скоро выберусь из этой палаты.

Тимур молча кивнул и направился к выходу.

28 сентября

9.43 по московскому времени

Завершая утренний обход пациентов, Мила подошла к последней палате, расположенной ближе всего к операционной. Открыла дверь и на секунду застыла. Воеводов лежал с открытыми глазами и смотрел в окно.

– Очнулся? – Людмила подошла и посмотрела на показатели прикроватного монитора: пульс и давление в норме.

– Я в “Истоке”? – Сиплым голосом спросил Вадим.

– Да. Меня зовут Людмила, можно просто Мила. Врач. Проводила твою операцию.

– Сколько я был без сознания?

– Четыре дня. Я я думала, что пробудешь в коме намного дольше.

– В коме? Сильно меня потрепало?

– Достаточно. С кровати вставать пока нельзя – швы разойдутся. Зашили тебе несколько артерий. – Мила осмотрела повязки, чистые, следов проступающей крови почти нет.

– Что с моими людьми? Сколько выжило? – Вадим на мгновение зажмурился. – Что с Максимом?

– К нам поступило тридцать семь человек. Всем оказали необходимую помощь. Среди раненых никого по имени Максим нет. – Сказала Мила, как можно мягче.

– Сука... – Выдавил через зубы Воеводов. – Прости, это я

не тебе. Вырвалось. Ты можешь позвать ко мне кого-нибудь из ребят? Князева, Прайса, Тимура или Марка.

– Марк лежит в соседней палате, тоже после операции. Стив последние дни отсутствует на базе. Свяжусь с Тимуром или Сашей и сообщу им.

– Хорошо. – Вадим опять отвернулся к окну. – Спасибо за старания, но не стоило меня вытаскивать с того света.

* * *

Услышав шаги в коридоре, Воеводов лег чуть выше, стараясь принять полусидящее положение. Это Князев, сто процентов, узнал его сразу по манере ходить – шаг вальяжный, расслабленный, и немного хромота на правую ногу. Дверь открылась, точно Саша, не ошибся.

– Привет. Звал?

– Да. Присаживайся. У меня много вопросов. – Непривычно смотреть на людей с уровня их пояса, даже сесть нельзя.

– Быстренько ты оклемался. Четыре дня назад вообще не знали, выживешь ты или нет. – Князев развернул стул и облокотился на спинку.

– Думал что Юлаев придет. Хотел расспросить о своих.

– Тимур сейчас не в кондиции. Он пьет с того вечера. Пытались его вразумить, бесполезно. Хотя бы в квартире сидит, перестал гонять по базе ночью на квадроцикле. Я уж думал или сам убьется, или кого-нибудь покалечит. Пусть по бун-

тует немного, потом отпустит.

– Не отпустит. – Вадим цокнул языком. – Пацан насмотрелся. Он в буквальном смысле слова в аду побывал. Оставьте его в таком состоянии – пиши пропало. Или пулю в лоб пустит, или сопьется.

– И что прикажешь с ним делать? Мы все пытались с ним разговаривать, он только огрызается. У нас здесь нет психиатров.

– Приведи его потом ко мне, поговорю с ним. Уже не сталкивался с подобными случаями. Как там мои люди?

– Хм... большинство здесь, по соседству. Целыми выбралось человек двадцать. Они сейчас в “Востоке” под командованием Серго, помогают с пленными.

– Серго? – Воеводов удивленно вскинул бровь.

– Да. Он вызвался нам помогать. Сказал, что нечего людям зря сидеть.

– Молодец, правильно сделал. Остальные сильно ранены?

– Четверо уже никогда не встанут в строй, потеряли конечности. Остальные со временем поправятся, физически точно. А вот морально – не знаю. Они не ровня тебе и Марку, так же как и Тимур, могут словить ПТСР. – Князев посмотрел на стены, представляя как лежат в прилегающих палатах раненые и что им снится.

– Ясно. А Максим? Со мной был, на верхних этажах.

– Когда Юлаев с Марком к вам добрались, один из нуклиевцев вас из подствольника накрыл, Марк рассказал...

– Это я помню, с Максом что?

– Один из твоих ребят закрыл тебя от взрыва своим телом. Здоровый такой, бритый на лысо. Он не выжил, осколок угодил в затылок.

Воеводов закрыл глаза. Такая жертва, а ради чего? У него хватило бы времени сигануть за бетонные обломки и спасти себе жизнь. А он выбрал защитить собой командира...

– Соболезную. – Тихим голосом сказал Князев.

– Это лишнее. – Вадим сглотнул. – Что вы дальше планируете? Моя вылазка провалилась. Нуклий еще цел и невредим. На мою базу под Майкопом они не полезут, знают, что штурмовать военный объект повышенной секретности – сущее самоубийство. Первым делом анклавовцы захотят реваншировать проваленную высадку.

– Мы уже думали об этом. Но они не знают наши возможности. На что способны наши вертолеты, ты уже сам знаешь. Летают на восемь-десять тысяч километров и управляются дистанционно.

– Дистанционно? Восемь-десять тысяч? Вы что, дронов из них сделали на ядерном топливе?

– Они на электродвигателях. Управляются, да, по типу коптеров. Здесь сидя операторы, и в режиме реального времени командуют “птичками”.

– Как вы этого добились? У вас среди выживших Илон Маск затесался? – Воеводов не верил услышанному.

– Похлеще. Помнишь, при штурме “Рассвета” нам кто-то

помогал? Хотя откуда ты помнишь, ты же нас тогда мало того что бросил, так еще чуть не угробил своими ракетами. Так вот, этот помощник и есть наш Маск. Странный, но гениальный Кир Лесной. Подогнал нам неограниченное электричество, просто сумасшедшие аккумуляторы, такие что раз зарядил, и на месяц можно забыть. У нас уже почти вся техника и электроника на них работает. Вернемся к Нуклию: мы знатно прокачали нашу оборону, так что их атак не боимся, даже ракетного обстрела. Лесной – пацифист, хочет решить все мирным путем. Мол, люди сами увидят, что из себя представляют общины, а мы предоставим им альтернативу.

– Не увидят, человек из двух зол всегда выбирает то, при котором не надо ничего делать.

– Воооот! Я о том же всем твержу, а меня никто не слушает. По моему мнению, надо нанести превентивный удар. – “Прайсу бы понравились такие выражения.” – Подумал про себя Саша. – Не сидеть на жопе ровно, а решить проблему раз и навсегда. Просто раскатать их ракетами, как ты “Зарю” и “Рассвет”, а для подстраховки еще и с вертолетов накрыть. Там же не будет гражданских, одни безопасники. Этих вообще не жалко.

– План, конечно, хороший, но есть два нюанса. Первый: нельзя уничтожить Нуклий, он всего лишь звено, ведущее к сердцу анклавов – Проталию. А вычислить его можно, только забравшись в самое нутро Нуклия и докопавшись до их сетей коммуникации. Второй нюанс: как ты собираешься ис-

кать Нуклий? Мои бойцы знали примерные координаты, две недели землю носом рыли, а в результате мы угодили в западню. Там сидят далеко не дураки, хорошо знают свое дело. – Поерзав на кровати, Вадим чуть повернул тело набок, спина и ягодицы затекли от одного положения.

– Если над первым надо подумать, то со вторым точно разберемся. Когда отбили штурм, выхватили хороший бонус – взяли в плен Пимона и бывшего главу “Полуночи”, Есаяна кажется. Серго его опознал. Один из них точно должен знать, где змеиное гнездо.

– Вот это неожиданный сюрприз. Уже пытались их разговорить?

– Серго пробовал, но ничего не вышло. Крепкие ребята, упертые. Даже лишившись нескольких зубов, молчат как рыбы.

– Смотрите, сильно не усердствуйте, а то пришибите ненароком. Серго мужик горячий, может перегнуть. Ладно, спасибо, что зашел и поделился мыслями. У меня голова еще туго соображает, до конца в себя не пришел. Посплю немного, может полегче станет. И насчет Тимура, я серьезно, приведи его ко мне, не пускайте это на самотёк.

– Хорошо, поправляйся. Как выловлю Юлаева трезвым, силком его сюда притащу.

30 сентября

12.31 по московскому времени

База “Исток”

Серго вошел в палату с авоськой в стиле СССР восьмидесятых, наполненной яблоками и грушами.

– Прости, Командир, классических апельсинов и бананов не нашел. Для мандаринов несезон. – Абухба подошел к койке и посмотрел на Воеводова. Уже успел похудеть, лицо осунулось, бороду сбрили, чтобы защит рассечение на скуле, все тело покрыто бинтами и повязками, выются провода датчиков.

– Да я все равно жевать почти не могу. Лучше бы детского пюре притащил. – Воеводов снова попытался подняться на кровати, вышло чуть лучше, чем в прошлый раз.

– Скоро на ноги встанешь? Что врачи вообще говорят?

– Не скоро. – Воеводов посмотрел на свое тело, непривычно вот так лежать слабым и бессильным, бесит до ломоты в зубах. – Как там ребята?

– Нормально. Помогаем в “Восходе”. Пленники приходят в себя, бунтуют. Держим их в узде, стараемся бережно, без применения силы. Сегодня там собрание, Князев будет перед ними выступать. Важный день. Та же дилемма, что и у тебя была: куда отправить тех, кто не согласиться остаться? Только вот второго “Истока” нет, и отпусти их на все четыре стороны, люди тут же ломануться обратно в общины и пополнят ряды следующей атаки. Не знаю, что там Саша со Стивом придумали. Я вот начал тебя понимать, почему ты

так радикально с “Зарей” поступил. Сам бы, конечно, так не сделал, но задумался бы об этом точно. – Серго достал яблоко из авоськи, протер его об камуфляжную куртку и надкусил. – Жаль тебе нельзя, обалденные. Название еще такое – Голден Делишес, заморское какое-то. Возле Криницы сад большой, все деревья яблоками увешаны. И собирать некому. – Тяжело вздохнул. – Бойцы за тебя переживают. Каждый день спрашивают, как ты там.

– Пусть привыкают к мысли, что они теперь часть “Источка”. – Выдал слова Воевод. – Нет больше нашей армии, я больше не их командир. Хватит, навоевались.

– Все? Сдался? Бросишь дело на пол пути, споткнувшись? – Давай только ты не будешь мне морали читать, хорошо? Я здраво оцениваю прошедшие события. – Вадим провел языком по зубам, мозг тут же подsunул совсем глупую и неуместную мысль: “почистить бы не мешало”. – Я переоценил себя. Решил, что смогу руководить целым войском, хоть и немногочисленным. Пока я действовал один, никаких проблем не было. Нет у меня должных навыков для командира. Пойми, я всю жизнь был разведчиком-диверсантом. Знаешь кто это такие? – Серго отрицательно помотал головой. – Мы работали или одиночками, или маленькими группами по шесть-десять человек. Почти всегда на территории врага. Устранение людей, захват и точечное уничтожение стратегически важных объектов, добыча секретной информации, организация мятежей и бунтов. Мы призраки, о

нас никто не знает. Ты должен раствориться в толпе, затеряться в лесу, влиться в ряды противника. Мы сами проводили разведку на месте, строили план миссии и выполняли ее, даже эвакуировались всегда сами. В случае провала ты остаешься один, государство, во избежание международного скандала, умывает руки. И мы знали на что шли, были к этому готовы. Вот этим я и занимался всю жизнь. А вести в бой двести человек, отвечать за них, подставлять под пули совсем зеленых людей – ну нет, спасибо, с меня хватит. Сначала провалившийся штурм колонны. Обвели, как мальчишку. И вроде бы должен учиться на своих ошибках, но нет. На волне успеха в крае, решил, что мне по силам тягаться с такой махиной как Нуклий. Только там тоже не идиоты сидят. А я возомнил себя стратегическим гением, только они оказались на два, а то и на три шага впереди. Результат: три четверти людей убиты, Нуклий цел и невредим, и мы даже не знаем, где он находится. И, что самое обидное, я выжил. Макс и почти полторы сотни людей погибли за меня, а я теперь лежу и прохлаждаюсь на больничной койке. Так что все, это мое окончательное решение, последний приказ. Вы примыкаете к “Истоку”. Им нужны люди, тем более такие толковые как ты. Здесь за безопасность отвечает совсем зеленый пацан, да талантливый и упорный, но неопытный и необстрелянный. Серго, ты прошел через мясорубку Грузино-абхаской войны, у тебя опыта хоть отбавляй. Помогите им, так и мне будет спокойнее, что “Исток” в безопасности. А

я... – Вадим на мгновение замолчал и отвернулся к окну. – Если уж я выжил, то воспользуюсь этим. Не оставлю жертву Макса напрасной и сделаю то, что лучше всего умею. Я сам найду Нуклий. А вы живите. Здесь хорошо, ты сам это уже увидел. У войны нет будущего, если потом нет дома, в который можно вернуться. У ребят очень светлая и чистая цель, и вы им нужны.

Серго молча опустил голову и рассматривает пол. Кафельная плитка, белая как эмаль зубов. Затирка на швах криво лежит. Мысли в голове прямо как эта затирка – кривые и неправильные. Ответить? А что? Вадим не девочка, если он решил, его не переубедить и силой его не заставишь. Встав со стула, Абухба подошел к двери, постоял, держась за ручку.

– Бывай, командир. – Бросил он перед уходом.

30 сентября

13.54. по московскому времени

База “Восход”

Как же руки трясутся. Князев поставил стакан на стол и посмотрел на наполняющую его воду, которая только что, в его руках, тряслась как в эпилептическом припадке. Давно он так не нервничал. Все-таки выступления перед большой толпой явно не его. А отдуваться больше некому. Стив торчит у Лесного сутками напролет. Да и не подошел бы он на роль оратора, не поверит русский человек американцу,

будь он хоть трижды самый святой и праведный на земле. Уж слишком сильно укоренилась ненависть к штатовцам в мозгах простого обывателя. Джавид? Тот и говорить то толком не умеет, куда ему переубеждать две тысячи людей. Тимур? У него, возможно, что-нибудь и получилось бы, только для этого, как минимум, надо трезво соображать, а Юлаев который день в запое. Баран. Уже все с ним разговаривали, даже Людмила. Пытается сбежать от реальности при помощи алкоголя, как же это знакомо. Хорошо еще, что наркотики канули в лету вместе с цивилизацией, так бы и к ним пристрастился. Остается тащить все самому. Но, блин, как же это нервирует. Еще раз посмотрел на стакан, и впервые за два месяца пожалел, что в нем не жидкость, крепче сорока градусов. Речь продумал, подготовился, но чего ожидать от людей, которых тщательно и умело обрабатывали последнее время? В их глазах они руководители террористической организации, уничтожившей весь мир. Даже самые логичные доводы просто разобьются об затмившую разум ненависть. Еще раз прокрутил в голове все свое выступление, отметил самые важные пункты. От мандража захотелось в туалет, но времени уже нет. В подтверждение раздался стук в дверь.

– Александр, они готовы. – Боец из Воеводовских, в форме и с оружием. “Да, сложно будет добиться доверия, когда вокруг столько вооружённых людей”.

– Уже иду. – Допил воду, пригладил волосы рукой, натянул маску “уверенного и решительного лидера”, задержал

дыхание на секунду и вышел из комнаты.

Каждый шаг, приближающий к импровизированному актовому залу под открытым небом – шаг на эшафот. Вся жизнь разделилась на: до этого, и после. И о том что будет после мозг думать отказывался. Надо как-то пережить эту злосчастную речь. Слишком многое сейчас зависит от выступления. Вспомнил многочисленные моменты из кинофильмов и новостей, где президенты, настоящие и актеры, выступают перед всей страной, воодушевляя или, наоборот, декламируя мрачные новости. Сейчас бы их выдержка и самоуверенность не помешала бы. Сто метров до сколоченной наспех сцены с большим проекционным экраном. Видно спины охраняющих, не отрывающих взглядов от скопления людей.

Князев поднялся по ступеням и подошел к микрофону.

“Как их много. Не думал, что две тысячи это столько. Блин, если они сейчас вздумают поднять бунт, тут никакая охрана не поможет, они нас просто затопчут”.

Люди молчат и смотрят прямо на него, пристально, кто с отвращением, кто с нескрываемой ненавистью. Тишина. Все ждут его слов.

– Приветствую. – Взялся одной рукой за микрофон, чтобы меньше дрожала, но, поняв, что больше походит на рок музыканта, чем на серьезного человека, убрал. Теперь ей надо найти место, а дрожит так, что с орбиты заметно. – Меня зовут Александр Князев, хотя вы об этом и так знаете. Вам пре-

поднесли меня, как одного из руководителей биотеррористической группировки, злобного фанатика, убившего несколько миллиардов людей ради какой-то там идеи. Но три месяца назад я кутил по московским клубам, и не знал ничего кроме развлечений, вечеринок, алкоголя и девушек. Начало эпидемии я застал в жестком похмелье, даже не в состоянии вызвать скорую своей заболевшей матери. За это меня можно винить и ненавидеть, но к самому вирусу я не имею никакого отношения. Я такой же простой человек, как и вы. Точно так же пережил “Пурпурный”, потеряв всех, кого любил. У вас возник вопрос: “как этот москвич оказался на юге?”. Я встретил одного умного человека, подсказавшего, что выжить в столице будет очень тяжело и лучше двигаться в более благоприятные края. Он погиб, нет не от эпидемии. Его убили сумасшедшие сектанты. Мне посчастливилось выжить, хотя я сам задаюсь вопросом, почему он, а не я. Далее я попал в “Рассвет”. Да, в такую же общину, как и все вы. Там я встретил других людей, и даже успел подружиться. И только благодаря смекалке и сообразительности нескольких человек, нам удалось раскрыть истинную сущность этих общин. Скажите, вы никогда не задумывались, как руководители анклавов за такое короткое время смогли собрать и организовать такие базы? Как они наладили коммуникацию с другими общинами на пепелище умершего мира? Что за банды и с какой целью постоянно атакуют вас ночью и держат в страхе? Если вы скажете, что никогда не думали об этом, я вам не поверю.

Потому что даже своим затуманенным от алкоголя мозгом я это замечал. Если включите критическое мышление, и копнете поглубже, то сможете отрыть эту крупницу сомнения и здравого рассудка. Слишком многое не сходилось. Вместе с друзьями мы решили покинуть “Рассвет”. Как нам говорили. “вы вольны делать все, что захотите. Вас силой не держат. Вы свободные люди”. Только вот никто нас отпускать не собирался. Да, нас попытались убить, сразу же как мы решили уйти, и им это почти удалось. Мы потеряли очень хороших и добрых людей, которые за свою жизнь ни сделали ничего плохого. Воеводов. Вы слышали о Вадиме. Именно после побега из “Рассвета”, мы разделились, и дальше каждый действовал сам по себе. То, что случилось с “Зарей” и “Рассветом” – не наших рук дело. Мы лишь создали свою базу. Все, чего мы хотим – это выжить. Людей осталось слишком мало, мы фактически на грани, после которой восстановить человечество будет невозможно. Слишком много смертей, боли и страданий. Вот сейчас вы сидите здесь, живые и, надеюсь, здоровые. В анклавах вам рассказывали, что вы идете в бой против беспринципных моральных уродов, легко решивших судьбу всего человечества. Не находите диссонанса? – Саша сделал паузу. То ли интуитивно, то ли вспомнил пример из выступления политиков. Во рту пересохло. Но он не обратил внимания. Его уже понесло. Эмоции от собственных слов захлестнули с головой, нервоз и тремор улетучились. Хочется кричать, подбежать к каждому и потрясти его за плечи,

чтобы он наконец-то очухался и увидел реальность, а не мастерски сфабрикованную ложь. Правда, прожигая грудную клетку, рвется, сметая всю тревожность и стеснение. — Если бы мы были теми, кем нас преподносят, то просто разбомбили вас прямо на подступах к берегу. Да у нас есть такая возможность. Но мы, в первую очередь, думали о том, что вы простые люди. Не враги, не противники, а бедолаги, которых хорошенько обработали и отправили на верную смерть. Думаете они не знали, что у нас есть ракеты, что мы можем за пару минут отправить весь ваш флот на дно? Прекрасно знали, и, больше того, они воспользовались вами. Ведь им известно, что мы никакие не террористы, а просто несколько выживших человек. Мы не монстры и не способны убивать с легкой душой. Именно поэтому вы сейчас сидите здесь, а не кормите рыб. Стали бы анклавовцы так заморачиваться? Сомневаюсь. Мы спасли вас, увезли на благоустроенную базу, оказали первую помощь, дали еду и крышу над головой. Если кому-то до сих пор плохо от воздействия химоружия, то простите, но у нас не было другого выбора. Вы шли убивать, и это была единственная возможность вас остановить. Я понимаю, что словам поверить трудно, вам так сладко пели в общинах, а теперь говорят диаметрально противоположное. Вот вам подтверждение моих слов.

Князев отошел в сторону, чтобы не загромождать экран и махнул технику. Запустился видеоролик. Видео с камер броневика при побеге из “Рассвета”, записи переговоров нукли-

евцев, видеопризнание силовика из “Зари” предоставленное Серго, вывезенные люди с этой же базы, встреча колонны из “Полуночи”, отчеты, отправляемые из общин в Нуклий, рассказывающие о реализации плана “Голдстейн”, подготовка к отражению штурма, и, под финал, жизнь людей в “Источке”. Лица людей менялись, кто-то заплакал, кто-то отказывался верить увиденному, кто-то крутил головой в недоумении. Они ожидали увидеть базу озлобленных боевиков, утыканную оружием, мрачную и милитаристическую. А видели покрытую зеленью бывшую туристическую базу, по которой ходят свободные люди, детей, играющих на дорожках и зеленых лужайках. Работающих со счастливыми лицами, отдыхающих после трудового дня в кинозале, сидящие на лавочках влюбленные пары. Ролик закончился. Саша выждал с минуту, давая людям время осмыслить увиденное, и вернулся к микрофону.

– Вас отправили уничтожить то, что вы только что увидели. Похожи мы на тех, кто уничтожил весь мир? Мы хотим его возродить. Построить новое общество, без диктатуры, полиции, принуждения и прочих отголосков прошлого мира. У нас есть электричество, еда и, главное, свобода. Никто никому ничего не должен и не обязан. Каждый выбирает занятие, которое ему по душе. Все равны. Нет начальников, надзирателей и руководителей. Вот любил кто-то мастерить мебель всю жизнь, пожалуйста, занимайся. Не надо думать о выживании. Еды и всех благ в достатке. Занимайся тем,

что приносит тебе удовольствие. Вы можете присоединиться к нам. Да, вот так просто. Просто сказать, что вы хотите и все. Никто не будет тыкать в вас пальцем и называть врагами. Мы понимаем через что вам пришлось пройти. Просто посмотрите, как мы живем. Захотите остаться, будем рады. Если нет, то что же, никто никого не держит. Можете уйти в любой момент.

Тишина. Только люди Веводова и собственная служба безопасности в недоумении повернулись к Князеву. Отпустить? Дать им уйти? Он с ума сошел?

– Кто хочет, может уходить прямо сейчас. Ворота базы открыты. Вам дадут еду и все необходимое. Даже отвезем вас на автобусе до границы края. Кто хочет остаться, после собрания подойдите к охранникам и скажите им об этом. Ну что, вы еще думаете, что мы террористы?

* * *

– Ты серьезно хочешь их отпустить? – Спросил Стив по рации.

– Да. Серьезно. Если бы я хоть на долю секунды дал им усомниться в свободе выбора, то мы получили бы две тысячи бойцов Нуклия. И в следующий раз они придут в противогазах, и мы уже вынуждены будем стрелять не химическим оружием. Так пусть их лучше будет тысяча, я уверен, что часть решит остаться, намного легче пойти на compro-

мисс с совестью, когда знаешь, что дал этим людям возможность выбрать. Если человек, видя альтернативу, все равно решает слепо верить лжи, то он неисправим. Посмотрим. Не знаю, сколько точно решит остаться, надеюсь хоть пара сотен открыла глаза и сбросила лапшу с ушей. – Князев вернулся в комнату, в которой сидел перед выступлением. Еще два стакана воды, на этот раз без сожаления, что это не алкоголь. Собственная речь придала уверенности. Под конец выступления, почувствовал в себе силу. Он говорил правду, не лгал, не юлил и не пытался запудрить мозги. Все как есть. Все эмоции – искрение. Дальше пусть сами решают, верить или нет. Он сделал все, что смог.

– Выступил ты мощно, я до сих пор под впечатлением. Незря в тебя верил. Все-таки у тебя талант, я так говорить не умею. – Впервые услышал от Прайса такую похвалу в свой адрес.

– Я просто говорил честно. По-другому не выйдет. А правду говорить не сложно, хотя нет, сложно, но стоит один раз переломить себя, начать, а дальше привыкаешь.

– А что тебя заставило переломиться?

– Женька.

Глава 4

Глава 4

18.49 по московскому времени

База “Восход”.

Бывшая община гудит, как развороченный осиный улей. От напряженной атмосферы воздух колышется, словно над раскаленным асфальтом. Сотни голосов в каждом уголке зданий, построек, площадок и боксов. Люди разделились на группы, обсуждают, советуются, кричат, ругаются. Решение для каждого не простое. Или вернуться в уже ставшую привычной общину под командованием Нуклия, где вроде бы есть определенность, какой-то налаженный быт, уже появились знакомые. Или поверить сегодняшнему оратору и переметнуться на другую сторону. У каждого из вариантов слишком много весомых доводов. Каждая сторона преподносит события со своей точки зрения. И необходимо выбрать. Нельзя отсидеться, отмолчаться и сделать вид, что тебя это не касается. Принцип “моя хата с краю, ничего не знаю”, не сработает. Или за “белых”, или за “красных”; или за индейцев, или за ковбоев; или казак, или разбойник. Альтернативы нет, остаться посередине, отсидеться, подождать момента, когда победитель станет очевиден и примкнуть к нему не получится. Надо идти в олл ин, пасовать нельзя.

- За высокими стенами общин вроде бы безопасно, под защитой опытных безопасников, можно не бояться банд.
- Подождите, а существуют ли вообще эти банды, может нам сказали правду и это инсценировка?
- Да, но кто тогда устроил всепланетную эпидемию? Те, кто приютил нас в общинах и дал нам кров и еду, это не логично!
- Еще как логично, любому режиму нужна рабская рабочая сила, никто не хочет горбатиться сам, или отправлять на работу своих фаворитов. Нужны смерды, “объекты”, которые и не люди вовсе, так, разумные приматы, которые днем должны пахать, а ночью размножаться.
- А вдруг нас оставили в живых после штурма именно потому, что им и нужны невольники, чтобы производить оружие, которым они убьют тех, кто остался в анклавах?
- Что-то люди на видео не очень похожи на рабов, больше смахивает на альпийскую деревню из рекламы молочного шоколада.
- А вдруг это сфабрикованный видеоролик? Если уж они смогли создать вирус и распространить его на всю планету, то смонтировать видео для них – раз плюнуть, как и все остальные доказательства. Нас там не было, мы это не видели, и все не так однозначно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.